

РИК РИОРДАН

ГРЕЧЕСКИЕ ГЕРОИ

РАССКАЗЫ ПЕРСИ ДЖЕКСОНА

Люди против магов

Рик Риордан

**Греческие герои.
Рассказы Перси Джексона**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риордан Р.

Греческие герои. Рассказы Перси Джексона / Р. Риордан —
«Эксмо», 2015 — (Люди против магов)

ISBN 978-5-04-174110-5

Древнегреческая мифология, рассказанная Перси Джексоном, самым известным полубогом. Оказывается, мы многого не знали о знаменитых героях древности. Например, Тесей был жутко гиперактивным ребенком и будучи, еще в памперсах, умудрялся доставлять своей мамочке кучу неприятностей. Геркулес не отличался сообразительностью. Его мозги были... не так развиты, как его мускулы. Короче, редкостный тугодум даже для того времени. Над Фаятоном, сыном бога солнца, смеялись в школе. А интернет-магазин «Amazon.com» основали амазонки, чтобы захватить мир. Добро пожаловать в новый мир греческой мифологии!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174110-5

© Риордан Р., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Вступление	6
Персей жаждет объятий	7
Психея тырит коробку крема для лица	30
Фазтон проваливает экзамен по вождению	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Рик Риордан
Греческие герои
Рассказы Перси Джексона

Rick Riordan

Percy Jackson's Greek Heroes

Text copyright © 2015 by Rick Riordan

Permission for this edition was arranged through the Nancy Galt Literary Agency.

Иллюстрация на обложке Анатолия Дубовика

© Демина А. В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Бекки, которая всегда была моим героем
Р. Р.

Вступление

Слушайте, я ввязался в это только из-за пиццы.

В издательстве сказали: «Ой, ты проделал такую отличную работу в прошлом году, написав про греческих богов! Напиши еще одну про древнегреческих героев! Это будет так круто!»

А я такой: «Ребят, у меня дислексия. Мне даже читать книги сложно».

Тогда они пообещали год снабжать меня бесплатной пиццей с пепперони, плюс обеспечить меня таким количеством голубых драже, сколько я смогу съесть.

Я не устоял.

Хотя почему бы и нет? Если вы сами планируете сражаться с чудовищами, эти истории помогут избежать некоторых основных ошибок, к примеру, заглянуть Медузе в лицо или купить б/у матрас у чувака по имени Крусти.

Но самая главная причина, почему стоит почитать об этих древних греческих героях, – это чтобы почувствовать себя лучше. Не важно, как бы сильно вам не нравилась ваша жизнь, у этих парней и девчонок все было намного хуже. В небесной канцелярии им явно забыли отсыпать положенную толику удачи.

Кстати говоря, если вы меня не знаете, меня зовут Перси Джексон. Я современный полу-бог – сын Посейдона. У меня самого за плечами немало неприятностей, но герои, о которых я собираюсь вам рассказать, относятся к категории таких энциклопедических неудачников. Проще говоря, они умудрялись сесть в лужу там, где еще никто до них не садился.

Остановимся на двенадцати из них. Думаю, этого будет достаточно. Если к окончанию знакомства с их печальными судьбами – отравления, предательства, расчленения, убийства, психопаты в родственниках и питающийся человечинкой скот – у вас не прибавится позитива по отношению к своей собственной жизни, тогда я даже не знаю, что вообще вам может помочь.

Так что хватайте ваше огненное копьё. Набрасывайте на плечи львиную шкуру. Отполируйте щит и удостоверьтесь, что в вашем колчане есть стрелы. Мы отправляемся на четыре тысячи лет назад. Будем обезглавливать чудовищ, спасем несколько царств, подстрелим парочку богов в зад, совершим налет на Царство Мертвых и ограбим злодеев.

После чего в качестве десерта встретим мучительные и трагические смерти.

Готовы? Отличненько. Поехали.

Персей жаждет объятий

Я просто обязан был начать с этого парня.

В конце концов, меня назвали в его честь. У нас разные божественные отцы, но моей маме нравилась история Персея по одной простой причине: он *остался в живых*. Персея не порубили на кусочки. Не обрекли на вечное наказание. С точки зрения героев, этот чувак встретил счастливый конец.

Что не означает счастливую жизнь. И он убил немало людей, но что уж тут поделать?

Несчастья Персея начались еще даже до его рождения.

Но прежде всего вы должны понять: в те дни Греция не представляла собой единую страну. Она была поделена на черт знает сколько мелких самостоятельных царств. Никто не представлялся: «Привет, я грек!» Новых знакомых спрашивали, из какого он или она города: Афины, Фивы, Спарта, Зевсвилль и так далее. Континентальная часть Греции представляла собой одно сплошное недвижимое имущество. У каждого города был свой царь. И каждый из сотен и сотен рассыпанных по Средиземному морю островов тоже являлся отдельным царством.

Вообразите, как бы это было в наши дни. К примеру, вы живете на Манхэттене. У вашего местного царя была бы своя армия, он бы устанавливал свои налоги и законы. Нарушая закон в Манхэттене, вы могли бы сбежать в Хакенсак, Нью-Джерси. Царь Хакенсака мог бы предоставить вам убежище, и в Манхэттене ничего бы не смогли с этим поделать (если, конечно, эти два царя не являлись союзниками – тогда вам точно крышка).

Города постоянно бы друг с другом воевали. Царь Бруклина мог пойти на царя Стейтен-Айленда. Или Бронкс и Гринвич, Коннектикут могли бы заключить военный союз и захватить Гарлем. Можете себе представить, как бы это разнообразило жизнь?

В общем, на континентальной Греции был город Аргос. Его нельзя было назвать крупнейшим или самым могущественным, но он был вполне себе достойных размеров. Местные называли себя аргивянами, видимо, потому что «аргосисты» напоминали название бактерии. Правил ими царь Акрисий. Тот еще гад. Будь он вашим царем, вы бы наверняка захотели сбежать в Хакенсак.

У Акрисия была красавица дочь Даная, но этого ему показалось мало. В те времена все были зациклены на сыновьях. У тебя должен был родиться мальчик, который бы после твоей смерти унаследовал фамилию, царство и прочее-прочее. Почему девочки не могли занимать трон? Понятия не имею. Глупость, но таковы были правила.

Акрисий постоянно орал на свою жену: «Рожай сыновей! Я хочу сыновей!» – но это не помогало. Когда жена умерла (скорее всего, из-за стресса), царь разнервничался не на шутку. Если бы он умер, так и не заимев наследника, царство отошло бы его брату Прету, а они ненавидели друг друга.

В отчаянии Акрисий отправился к Дельфийскому оракулу за предсказанием.

На заметку: обращение к оракулу обычно можно было охарактеризовать кратко – «плохая идея». Мало того что вам приходилось ехать аж до Дельф, чтобы зайти в темную пещеру на краю города, где дамочку под вуалью, сидящую на трехногом стуле и целый день вдыхающую вулканические испарения, посещали видения. Вам еще надо было оставить на пороге богатые дары. Лишь после этого вам разрешалось задать оракулу один вопрос. Чаще всего прорица-

тельница отвечала малопонятной загадкой. И вы уезжали, растерянный, напуганный и обедневший.

Но, как я уже сказал, Акрисий был в отчаянии. Он спросил:

– О, оракул, что за дела, почему у меня нет сыновей? Кто займет трон и унаследует мою фамилию?

В тот раз прорицательница обошлась без загадок.

– Все просто, – хрипло ответила она. – У тебя никогда не будет сыновей. Однажды у твоей дочери Данаи родится сын. Этот мальчик убьет тебя и станет следующим царем Аргоса. Спасибо за ваши пожертвования. Удачного дня.

Шокированный и обозленный, Акрисий вернулся домой.

Когда он вошел во дворец, его встретила дочь.

– Отец, что случилось? Что сказала оракул?

Акрисий уставился на Данаю. Его дочь была красавицей. С длинными темными волосами и очаровательными карими глазами. Многие мужчины просили ее руки. Но теперь Акрисий мог думать лишь о пророчестве. Нельзя было выдавать Данаю замуж. Нельзя было позволить ей родить сына. Она больше ему не дочь – она его смертный приговор.

– Оракул сказала, что проблема в тебе, – прорычал он. – Ты предашь меня! Из-за тебя меня убьют!

– Что?! – Даная в ужасе отшатнулась. – Никогда, отец!

– Стража! – рявкнул Акрисий. – Увести мерзавку!

Даная не понимала, что она сделала не так. Она всегда старалась быть доброй и отзывчивой. Она любила отца, хотя он бывал страшен и зол и любил отправляться на охоту за бедными крестьянами с копьем и стаей свирепых собак.

Ответов не было. Стражники увели ее и заперли в особой подземной темнице с максимальной степенью защиты – в комнатухе размером с чулан под метлы, с туалетом, каменной плитой вместо постели и бронзовыми стенами в двенадцать дюймов толщиной. Единственное плотно зарешеченное окошко в потолке не давало Данае задохнуться и пропускало немного света, но в жаркие дни бронзовая темница накалялась до состояния кипящего чайника. В самом низу сплошной двери с тройным замком было прорезано узенькое отверстие под миску с едой. Единственный ключ хранился у царя, потому что он не доверял стражникам. Каждый день Даная получала два сухих ломтя хлеба и стакан воды. Ни прогулок. Ни посетителей. Ни радостей Интернета. Ничего.

Возможно, вы сейчас недоумеваете: если Акрисий так не хотел, чтобы у нее появились дети, почему он просто ее не убил?

Дело в том, мой жестокий друг, что боги очень серьезно воспринимали убийства членов семьи. (Что странно, учитывая, что именно боги, по сути, *изобрели* убийство членов семьи.) Если ты убьешь собственное дитя, Аид приготовит для тебя особенное наказание в Царстве Мертвых. За тобой придут фурии. Богини судьбы перережут твою нить жизни. Страшная карма свалится тебе на голову. Но если твой ребенок «случайно» погибнет в подземной бронзовой темнице... это будет как бы не совсем убийство. Скорее что-то из серии: «Упс, и как так могло случиться?»

Несколько месяцев Даная медленно чахла в заточении. Заняться ей особенно было нечем, разве что лепить куколок из хлебных катышков, смоченных водой, и болтать с господином Туалетом, поэтому большую часть времени она молилась богам о помощи.

Может, ей удалось привлечь их внимание, потому что она была очень хорошей или потому что всегда вовремя совершала приношения в храмах? Или, может, потому что Даная была сногсшибательной красоткой?

Однажды Зевс, владыка небес, услышал, как Даная зовет его. (Все боги такие. Где бы ты ни был, они услышат, если ты произнесешь их имя. Готов спорить, они кучу времени гуглят упоминания о себе.)

Зевс взглянул вниз своим сверхострым рентгеновским зрением и увидел красавицу царевну, оплакивающую свою горькую долю в темнице.

– Не, ребята, это неправильно, – сказал Зевс сам себе. – Что за отец, который заточит собственную дочь и не позволит ей влюбиться и родить детей?

(Вообще-то это было как раз очень в духе Зевса, ну да ладно.)

– А она ничего, – пробормотал Зевс. – Думаю, я нанесу ей визит.

Зевс постоянно этим занимался. Влюблялся с первого взгляда в какую-нибудь смертную, сваливался на нее этакой романтической водородной бомбой, переворачивал с ног на голову всю ее жизнь и возвращался к себе на Олимп, оставляя очередную подружку нянчиться с ребенком в одиночестве. Но, конечно же... Уверен, намерения у него были самые благородные. (*Кхе-кхе*. Ага, конечно. *Кхе-кхе*.)

В случае с Данаей перед Зевсом стоял лишь один вопрос: как пробраться в бронзовую темницу с максимальной степенью защиты?

Он был богом, разумеется. У него были возможности. Он мог просто вынести двери, но это бы напугало бедняжку. Плюс тогда ему бы пришлось убить кучку стражников, а это было бы уже совсем некрасиво. Взрывы и искалеченные трупы не способствуют появлению должного для первого свидания настроения.

Он решил, что будет проще превратиться во что-нибудь маленькое и проникнуть внутрь через вентиляционное окно. В этом случае у него было бы в распоряжении время, которое они могли провести вдвоем с девушкой его мечты.

Но во что превратиться? Может, в муравья? Зевс уже раз проделывал это с другой девушкой. Но он хотел произвести хорошее первое впечатление, а у муравьев практически отсутствовал фактор «ух ты».

И он придумал нечто совершенно иное – золотой дождь! Растворившись в облаке двадцатичетырехкратного конфетти, он слетел с Олимпа и пролился через окошко, заполнив темницу Данаи теплым, потрясающим воображение светом, от которого у нее перехватило дух.

– НЕ БОЙСЯ, – донесся от блеска голос. – Я ЗЕВС, ВЛАДЫКА НЕБЕС. ТЫ СИМПАТИЧНАЯ. МОЖЕТ, РАЗВЛЕЧЕМСЯ?

У Данаи никогда не было парня. Тем более бога-парня, что умел превращаться в золотое конфетти. Очень скоро – буквально минут через пять-шесть – она была уже по уши влюблена.

Шли недели. Даная вела себя так тихо в своей темнице, что стражники успели до полу-смерти заскучать. Затем, примерно месяцев через девять после того золотого инцидента, стражник как обычно просунул в отверстие поднос с едой и вдруг услышал изнутри странный звук: плач младенца.

Он бросился к царю Акисию, потому что о таких вещах следует непременно докладывать своему боссу. Царь спустился в подземелье, отпер дверь, ворвался в темницу и обнаружил Данаю, укачивающую завернутого в одеяльце новорожденного малыша.

– Что... – Акисий осмотрел темницу. Никого. Туда в принципе никто не мог попасть, ведь единственный ключ был у Акисия, и никто бы не смог протиснуться через господина Туалета. – Как... Кто...

– Мой господин, – произнесла Даная, блестя глазами. – Меня посетил бог Зевс. Это наш сын. Я назвала его Персеем.

Акисию стоило немалых трудов не подавиться собственным языком. Слово «Персей» означало «мститель» или «разрушитель», в зависимости от контекста. Царю очень не хотелось, чтобы этот мальчик вырос в помесь Железного человека и Халка, а учитывая, с какой злостью Даная на него смотрела, он готов был поспорить, кому именно она желала разрушений.

Главный страх царя, порожденный пророчеством, сбывался, что само по себе было довольно глупо, ведь если бы он не был таким злобным гадом и не запер свою дочь, ничего бы этого не случилось. Но именно так работают эти пророчества. Ты стараешься избежать ловушки, но в итоге сам себе ее строишь и сам себя в нее загоняешь.

Акрисию хотелось убить Данаю и ее маленького сына. Так было бы безопаснее всего. Но тут опять вступало в игру табу на убийство членов своей семьи. Что за напасть! Кроме того, если Даная говорила правду и Персей был сыном Зевса... ну, гнев владыки вселенной никак не мог гарантировать Акрисию долгую и спокойную жизнь.

И Акрисий решил поступить иначе. Он приказал стражникам найти большой деревянный ящик с закрывающейся на замок крышкой. Распорядившись, чтобы в крышке просверлили парочку дырок для поступления воздуха, дабы показать, что он весь из себя такой хороший парень, он запихнул внутрь Данаю с младенцем, запер замок и выбросил ящик в море.

Это ведь нельзя было назвать непосредственным убийством, подумал он. Может, они погибнут от жажды и голода. Может, шторм разобьет ящик о камни, и они утонут. Что бы ни произошло, он тут будет ни при чем!

Царь вернулся во дворец и впервые за многие годы спал спокойно. Ничто так не способствует расслаблению, как обречение родной дочери и внука на медленную, мучительную смерть. Если вы, конечно, настолько же недалёковидны, как Акрисий.

Тем временем Даная внутри деревянного ящика взмолилась Зевсу:

– Привет, э-эм, это я, Даная. Я совсем не хочу тебя напрягать, но мой папа вышвырнул меня. Я в ящике. Посреди моря. Персей тоже со мной. Так что... ну, если бы ты смог ответить, прислать записку или еще что-нибудь, это было бы очень кстати.

Зевс поступил даже лучше. Он отправил приятный прохладный дождик, который капал сквозь дырки для воздуха, снабжая Данаю и ее младенца свежей водой. Он договорился со своим братом, богом морей Посейдоном, чтобы тот успокоил волны и изменил течения, обеспечив ящику мягкое плавание. Посейдон даже сделал так, чтобы маленькие сардины запрыгивали на крышку и протискивались через дырки внутрь – таким образом Даная могла наслаждаться свежайшими суши. (Мой папа, Посейдон, умеет быть классным.)

Так что вместо утопления и гибели от жажды Даная и Персей чувствовали себя весьма неплохо. Через несколько дней отправление скорой морской почты «Деревянный ящик» достигло берега острова Серифос, расположенного примерно в сотне миль от Аргоса.

Но Данае и младенцу все еще угрожала гибель, ведь ящик был наглухо заперт. Но, к счастью, на берегу в тот момент очень удачно сидел рыбак Диктис и чинил свои сети.

Диктис увидел болтающийся на мелководье огромный деревянный ящик и подумал: «Ого, это странно».

Подцепив сетями и крючьями ящик, он вытянул его на берег.

– Интересно, что там внутри? – спросил он сам себя. – Может, вино, или оливы... или золото!

– На помощь! – раздался изнутри женский голос.

– Уа-а-а! – заплакал другой, тоненький и пронзительный.

– Или люди, – добавил Диктис. – Он может быть набит людьми!

С помощью своего любимого ножа для разделки рыбы он аккуратно поддел крышку ящика. Внутри сидела Даная с Персеем на руках – оба грязные, усталые и пахнущие чуть протухшими суши, но вполне живые.

Диктис помог им вылезти и поделился своим хлебом и водой. (О боги, подумала Даная, снова хлеб и вода!) Рыбак спросил Данаю, что с ней приключилось.

Та решила не заострять внимания на деталях. В конце концов, она понятия не имела, где находилась, вдруг местный царь был другом ее папы? Она знала лишь, что доплыла до Хакен-

сака. Поэтому она сказала, что отец выгнал ее, потому что она влюбилась и родила ребенка без его согласия.

– Кто отец малыша? – спросил Диктис.

– О... э-эм, Зевс.

Глаза рыбака округлились. Он сразу ей поверил. Несмотря на грязь, Даная была достаточно красива, чтобы привлечь бога. А судя по манере ее речи и тому, как она себя вела, он предположил, что перед ним царевна. Диктис захотел помочь ей и ее маленькому сыну, но все было далеко не так просто.

– Я мог бы отвести тебя к моему брату, – с неохотой произнес он. – Его зовут Полидект. Он царь этого острова.

– Он примет нас? – спросила Даная. – Он даст нам убежище?

– Уверен, что да. – Диктис старался не выказывать беспокойства, хотя его брат был тот еще бабник. Он наверняка примет Даная с *излишним* гостеприимством.

Даная нахмурилась.

– Если твой брат царь, почему ты всего лишь рыбак? Я хочу сказать, без обид: рыбаки классные.

– Я предпочитаю проводить во дворце как можно меньше времени, – ответил Диктис. – По семейным обстоятельствам.

Даная как никто была знакома с «семейными обстоятельствами». Ей не очень нравилась идея искать помощи у царя Полидекта, но другого выбора не было, если только она не хотела остаться на пляже и жить в ящике.

– Думаешь, мне стоит привести себя в порядок? – спросила она Диктиса.

– Нет, – возразил рыбак. – Перед моим братом тебе лучше выглядеть как можно более непривлекательно. На самом деле советую сильнее измазать лицо песком. И сунь в волосы водоросли.

Диктис повел Даная с малышом в главный город Серифоса. Царский дворец возвышался над всеми остальными строениями – белые мраморные колонны, стены из песчаника с развевающимися на башнях флагами и отрядом мрачных головорезов-стражников перед воротами. При виде всего этого Даная засомневалась – возможно, жизнь в ящике была не такой уж плохой идеей, но все же последовала за своим другом-рыбаком в тронный зал.

Царь Полидект восседал на бронзовом троне, который едва ли обеспечивал поддержку спине. Стена позади него была завешана военными трофеями: оружием, щитами, знаменами и несколькими чучелами голов поверженных противников. Ну, сами знаете, чем обычно стараются оживить тронный зал.

– Так-так! – воскликнул Полидект. – Кого ты привел ко мне, брат? Кажется, ты наконец-то выловил своими сетями нечто стоящее!

– Э-эм... – Диктис задумался, как поддипломатичнее сказать: «Пожалуйста, отнесись к ней хорошо и не убивай меня».

– Можешь идти, – бросил царь.

Стражники вытолкали рыбака из зала.

Полидект наклонился к Данае. Улыбка не прибавляла ему ни капли дружелюбия, учитывая, что несколько зубов у него были страшные и кривые.

Его не обманули ни лохмотья, ни песок на лице девушки, ни водоросли и маленькие сардины в ее волосах, ни даже моток каких-то тряпок у нее в руках. (Зачем ей это тряпье? Или это ее ручная кладь?) Полидект видел, какой красивой была незнакомка. Потрясающие глаза. А это лицо – само совершенство! Искупай ее и дай нормальную одежду, и она сойдет за царевну.

– Не бойся, моя дорогая, – сказал он. – Как я могу помочь тебе?

Даная решила изобразить из себя жертву, надеясь вызвать у царя сочувствие. Она упала на колени и зарыдала.

– Мой господин, я Даная, принцесса Аргоса. Мой отец, царь Акрий, прогнал меня. Я молю о твоей защите!

Сердце Полидекта ее слова не тронули. А вот шестеренки в голове закрутились. Аргос – неплохой город. Он слышал об Акрии, старом царе без сыновей. О, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой! Если бы Полидект женился на Данае, он бы смог стать правителем обоих городов. Наконец-то у него будет два тронных зала и достаточно места для всех голов-чучел, что хранились в запасниках!

– Царевна Даная, разумеется, я предоставлю тебе убежище! – произнес он достаточно громко, чтобы все слуги в зале услышали. – Клянусь богами, со мной ты будешь в безопасности!

Он поднялся с трона и спустился по ступенькам помоста. Он собирался обнять Даная, показав тем самым, какой он благородный и отзывчивый. Но стоило ему приблизиться на расстояние пяти футов, и моток тряпья в руках царевны заорал.

Полидект от неожиданности отпрыгнул. Ор прекратился.

– Что это за магия? – спросил Полидект. – Твои тряпки умеют кричать?

– Это младенец, мой господин. – Даная постаралась сдержать усмешку при виде отразившегося на лице царя ужаса. – Это мой сын, Персей, а отец его – Зевс. Надеюсь, ваши гарантии защиты распространяются и на моего бедного крошку.

У Полидекта задержался правый глаз. Он ненавидел младенцев – сморщенные, пухлые создания, которые только и знают, что плакать и гадить. Как же он жалел, что не заметил ребенка раньше, так сильно его пленила красота Данаи.

Но и обещание свое он уже не мог забрать. Все слуги слышали его слова. Кроме того, если ребенок и правда был сыном Зевса, это все усложняло. Нельзя просто взять и выбросить маленького полубога в урну, не навлекая на себя божий гнев – по крайней мере, большую часть времени.

– Конечно, – с трудом выговорил царь. – Какой миленький маленький... малыш. Он тоже будет под моей защитой. Вот что я скажу...

Царь подвинулся ближе, но Персей опять закричал. Малыш явно обладал даром обнаружения злых царей.

– Ха, ха, – тоскливо произнес Полидект. – У мальчика прекрасные легкие. Пусть воспитывается в храме Афины на окраине города... я хотел сказать, в удобно расположенном храме в *самой лучшей* части города. Жрецы отлично о нем позаботятся. Тем временем ты и я, дорогая царевна, сможем лучше узнать друг друга.

Полидект привык добиваться своего. Он дал себе пятнадцать, максимум шестнадцать минут на получение от Данаи согласия выйти за него замуж.

Но вместо этого еще никогда в жизни Полидект не испытывал большего разочарования, чем за следующие семнадцать лет. Он всеми силами старался *поближе познакомиться* с Данаей, но всякий раз царевна и ее сын срывали его планы. Царь отдал Данае собственные царские покои. Одарил дорогими одеждами, красивыми украшениями, снабдил служанками и целой книжкой с купонами на шведский королевский стол. Но Даная было не провести. Она отлично понимала, что здесь она не более чем пленница, какой была в той бронзовой темнице. Ей не разрешалось покидать дворец. За исключением слуг ее навещали лишь сын и его няньки из храма Афины.

Даная радовалась каждому визиту Персея. Пока он был еще младенцем, он начинал плакать всякий раз, стоило царю подойти к Данае. Царь не выносил детского плача, поэтому очень быстро оставлял царевну и отправлялся за аспирином. Когда Персея не было рядом, Даная придумывала другие способы обломать ухаживания Полидекта. Только он приближался к ее двери, как она издавала такой звук, будто ее тошнит, и просила прощения, объясняя это тем, что ей нездоровится. Или пряталась в дворцовой прачечной. Или начинала без остановки пла-

кать, и царю под тяжестью укоризненных взглядов служанок приходилось смущенно ретироваться.

Многие годы Полидект пытался завоевать ее симпатию. Многие годы она упорно сопротивлялась.

Их обоюдное упрямство даже в некотором роде восхищает.

Когда Персей повзрослел, Данае стало проще, а Полидекту – сложнее.

В конце концов, Персей был полубогом. Этот чувак был чудовищно одаренным. К семи годам он мог завалить взрослого мужика. К десяти его стрелы пролетали весь остров, а мечом он владел лучше любого воина из царской армии. Воспитываясь в храме Афины, он учился военному делу и мудрости: как выбирать противников, как воздавать почести богам – в общем, всем тем очень нужным вещам, если ты хочешь пережить пубертатный возраст.

Он был хорошим сыном, то есть посещал маму так часто, как только это было возможно. Конечно, больше он не рыдал рядом с Полидектом, но если царь начинал заигрывать с Данаей, Персей с его кучей свисающего с пояса оружия просто вставал рядом, скрестив на груди руки, и молча буравил его тяжелым взглядом, пока царь не удалялся.

Наверное, подумали вы, любой бы на месте Полидекта сдался? Ведь вокруг было полно других объектов для приставаний. Но знаете, как бывает. Чем больше тебе говорят, что это нельзя, тем сильнее тебе это хочется. К тому моменту, когда Персею исполнилось семнадцать, Полидект просто с ума сходил от раздражения. Он хотел жениться на Данае, пока она еще не слишком постарела, чтобы успеть родить ему детей! Он желал видеть своих сыновей на тронах Аргоса и Серифоса. Что означало одно: Персея нужно было куда-то сплавить.

Но как избавиться от полубога без непосредственного убийства?

Тем более что Персей в свои семнадцать был самым сильным и умелым воином на всем острове.

Полидекту нужно было проявить хитрость... подстроить все так, чтобы Персей сам себя погубил, так, чтобы никто не смог обвинить в этом Полидекта.

За свою долгую жизнь царь повидал немало шатающихся туда-сюда героев: кто-то вырубал чудовищ, кто-то спасал деревни и симпатичных щенков, кто-то завоевывал сердца царевен или еще как-то иначе получал общественное одобрение. Самому Полидекту не было никакого дела до этого фарса, но он подметил, что большинство героев совершали какую-нибудь роковую ошибку – проявляли в какой-то момент слабость, что (при должной удаче) могло привести к их гибели.

А какая слабость была у Персея?

Этот юноша был царевичем Аргоса, сыном Зевса, но он рос изгоем в чужом царстве, без денег, и из родственников у него была лишь мать. Это взрастило в нем небольшой комплекс неполноценности. Парень жаждал себя проявить. Любой вызов он принимал не задумываясь. Если Полидекту удастся обратить это против него...

На лице царя расплылась улыбка. О да. Есть у него подходящая идея.

В конце той же недели Полидект объявил, что начинает сбор свадебных подарков для царевны с соседнего острова. Звали ее Гипподамия. Ее отец, царь Эномай, был старинным другом Полидекта, но на самом деле это было совершенно не важно.

Полидекту нужен был лишь предлог для сбора подарков.

Царь устроил большую вечеринку во дворце, куда пригласил всех богатых и знаменитых жителей Серифоса, желая посмотреть, кто на что окажется горазд. Всем хотелось впечатлить повелителя, и они устроили между собой целое соревнование, чей подарок будет круче.

Одна семья принесла серебряную вазу в рубинах. Другая показала золотую колесницу, запряженную парой белоснежных жеребцов. Третья предоставила подарочный сертификат для iTunes номиналом в тысячу драхм. Только самое лучшее для дорогой и любимой как-ее-там, выходящей замуж за кого бы то ни было!

Гора подарков росла, и Полидект благодарил каждого, что заставляло всех богатых и знаменитых почувствовать себя особенными (будто они уже ими не были). Наконец он заметил за столом с закусками притихшего и старавшегося не обращать на себя чье-либо внимание Персея в компании своей мамы.

Персею не нравилось на вечеринке. Он не находил ничего веселого в том, чтобы наблюдать, как заносчивые вельможи лебезят перед царем. Но он был обязан присматривать за мамой на случай, если Полидекту приспичит к ней подкатить, поэтому он терпел, попивая тепловатый пунш и жуя маленькие сосиски, наколотые на зубочистки.

– Что ж, Персей! – позвал царь через весь зал. – Что ты принес в качестве подарка на свадьбу дочери моего союзника? Ты сильнейший воин на Серифосе. Все так говорят! Наверняка твой подарок превзойдет все остальные!

Это было очень подло. Все знали, что Персей был беден. Остальные гости захихикали и повернулись к нему, довольные, что юного выскочку поставили на место. Им не нравилось, когда красивые, сильные и талантливые полубоги хоть в чем-то их обставляли.

Лицо Персея налилось кровью.

Сидящая рядом Даная зашептала:

– Ничего не отвечай, сын мой. Он хочет тебя разозлить. Это ловушка.

Но Персей не слушал. Он ненавидел, когда над ним смеялись. Он был сыном Зевса, но царь и вельможи относились к нему как к никчемному бездарю. Его достал Полидект и бесил тот факт, что Даная была пленницей у него во дворце.

Персей вышел на середину зала. Вельможи расступились перед ним. Он обратился к царю:

– Возможно, я не так богат, как некоторые из присутствующих здесь, но я держу свои обещания. Что ты пожелаешь, Полидект? Скажи, какой подарок ты хочешь для этой как-ее-там. Скажи, и я принесу это.

По толпе пронесся нервный смешок. Полидект улыбался. Он ждал этого момента.

– Прекрасное обещание, – сказал царь. – Но обещания – это просто слова. Почему бы тебе не поклясться... к примеру, рекой Стикс?

(Заметка на полях: никогда не клянитесь рекой Стикс. Нет клятвы страшнее. Если вы не сдержите слова, вы по сути дадите Аиду, его фуриям и всем демонам Царства Мертвых карт-бланш на ваши вечные муки без шанса на досрочное освобождение.)

Персей покосился на мать. Даная замотала головой. Персей понимал: давать клятву такому скользкому типу, как Полидект, никак нельзя было назвать мудрым поступком. Жрецы, что вырастили его в храме Афины, этого бы не одобрили. Но затем Персей посмотрел на окружающих его ухмыляющихся и хихикающих вельмож.

– Я клянусь рекой Стикс! – закричал он. – Чего ты хочешь, Полидект?

Царь откинулся на неудобную спинку своего бронзового трона и бросил взгляд на украшавшие стены головы-чучела.

– Принеси мне...

Представьте себе драматичную органную музыку.

– ...голову Медузы.

Добавьте к этому аханье толпы.

Уже одно имя Медузы, произнесенное вслух, считалось, приносит неудачу. Выследить ее и отрубить голову? Подобное можно было пожелать разве что злейшему врагу.

Медуза была жутчайшим монстром, известным во всей Греции. Когда-то она была прекрасной девушкой, но после романтического свидания с Посейдоном в храме Афины (возможно, в том самом, где рос Персей) Афина превратила бедняжку в страшное создание.

Думаете, ваше лицо по утрам ужасно? Медуза была такой уродливой, что один взгляд на нее обращал человека в камень. Никто из видевших ее не выжил, но по слухам, у нее были золотые кожистые крылья, медные когти на пальцах и ядовитые змеи вместо волос.

Она жила где-то далеко на востоке вместе с двумя своими сестрами, которых тоже превратили в крылатых монстров – может, потому, что они посмели заступиться за сестру. Вместе они были известны как горгоны, что классно подходит для названия музыкальной группы. *Встречайте! Джонни Грек и «Горгоны»!* Ладно, может, и не очень.

Многие герои вызывались найти и убить Медузу, потому что... на самом деле я точно не знаю почему. Насколько мне известно, она никому не мешала. Может, потому, что она считалась крутым испытанием. Или был какой-то приз за убийство уродливого монстра. Как бы то ни было, никто из героев, отправившихся за ней, не вернулся.

На секунду зал охватила полная тишина. Собравшиеся были в ужасе. Даная была в ужасе. Персей был в таком ужасе, что не чувствовал пальцев на ногах.

Полидект улыбнулся так, будто Рождество наступило раньше положенного.

– Ты сказал «скажи, и я принесу это», так? Что же, – царь развел руки в стороны, – принеси это.

Напряжение спало. Толпа взорвалась хохотом. Мысль, что Персей, этот семнадцатилетний никому не известный пацан, сможет отрубить голову Медузы, была слишком абсурдной.

Кто-то закричал:

– Принеси мне футболку с горгонами, раз уж ты все равно к ним собираешься!

– Принеси мне колотого льда с сиропом! – добавил еще кто-то.

Персей с позором бежал. Мать звала его, но он не оглядывался.

Сидя на троне, Полидект купался в аплодисментах. Он приказал сыграть веселенькую музыку и налить каждому по чашке пунша. Настроение у него было праздничное.

Если Персей струсит, стыд не позволит ему больше являться во дворец. Как вариант, сами боги могли убить его за нарушение клятвы. А если этот пацан окажется достаточно глупым и отправится за Медузой... Что ж, из Персея выйдет отличное гигантское полубожественное пресс-папье.

Проблема царя была решена!

Покинув дворец, Персей, не останавливаясь, добежал до самого обрыва, под которым плескалось море. Он встал на краю, стараясь не заплакать. Ночное небо скрывали облака, словно даже Зевсу было стыдно на него смотреть.

– Пап, – заговорил Персей. – Я никогда ничего у тебя не просил. Я никогда не жаловался. Я всегда совершал достойные подношения и старался быть хорошим сыном для мамы. Но я сглупил. Я открыл свой большой рот и поклялся совершить невозможное. Я не прошу тебя решить мою проблему за меня, но, пожалуйста, мне бы очень помог твой совет. Как мне выпутаться из всего этого?

Сбоку раздался голос:

– Чудная молитва.

Персей отпрыгнул, едва не сорвавшись с обрыва.

Рядом с ним стоял парень лет двадцати с проказливой улыбкой и кудрявыми коричневыми волосами. На голове у него была бейсболка. Одежды на нем тоже оказались незнакомые: коричневые легинсы, обтягивающая коричневая рубаша, черная обувь на шнурках, напоминающая помесь ботинок и сандалий. На рубаше слева на груди был накладной карман с аккуратно вытканными буквами, совсем не похожими на греческие: «UPS».

Персей сообразил, что перед ним, должно быть, бог, потому что смертные не стали бы так смешно одеваться.

– Ты... мой отец Зевс?

Незнакомец хихикнул.

– Дружище, я еще не так стар, чтобы быть твоим отцом. Seriously, я что, выгляжу на тысячу лет? Я Гермес, бог послов и путешественников! Зевс прислал меня тебе помочь.

– Быстро.

– Я горжусь своими скоростными услугами.

– А что это за символы у тебя на рубахе?

– О, – Гермес опустил взгляд себе на грудь. – Какой сейчас век? Прости, я иногда путаюсь. – Он щелкнул пальцами. Его одежды превратились в нечто более привычное: широкополая шляпа, какими обычно путешественники защищаются от солнца, подпоясанная белая туника и шерстяная накидка на плечах. – Так о чем я? Точно! Зевс услышал твою молитву и отправил меня с кое-какими прикольными волшебными штучками, что помогут тебе в твоём приключении!

Гермес еще раз щелкнул пальцами и с гордостью продемонстрировал Персею кожаный мешок размером с рюкзак.

– Это мешок, – отметил тот.

– Я в курсе! Когда отрубишь голову Медузы, можешь сунуть ее сюда!

– Вау. Спасибо.

– Еще... – Гермес достал из мешка простой бронзовый шлем: обычный пилос, что носила пехота. – Этот малыш сделает тебя невидимым.

– Seriously? – Персей взял шлем и заглянул внутрь. – Почему тут выгравировано «Сделано в Бангладеш»?

– А, не обращай внимания, – ответил Гермес. – Это неофициальная копия аидовского шлема тьмы. Но работает на «отлично». Гарантирую.

Персей надел дешевый бангладешский шлем. Внезапно он перестал видеть собственное тело.

– Круто.

– Скажи? Ладно, снимай, потому что у меня еще кое-что для тебя припасено. Сделал по спецзаказу.

Из мешка удивительных чудес Гермес достал пару сандалий. Из их пяток росли крошечные голубиные крылышки. Бог взял сандалии за шнурки, и те запорхали вокруг, требуя свободы, точно птицы на привязи.

– Я сам ими пользуюсь, – сказал Гермес. – Надень их, и ты сможешь летать! Доберешься до Медузы намного быстрее, чем пешком или вплавь, а раз ты еще будешь невидимым, тебе не придется утверждать план полета или еще чего-нибудь!

Сердце Персея стучало так же быстро, как трепетали эти маленькие крылья. С самого раннего детства он мечтал летать. Он примерил сандалии и немедленно взмыл в небо.

– О ДА! – в восторге заорал он. – ЭТО КРУТО!!!

– Ну все, парень! – закричал Гермес крошечной точкой, влетающей и вылетающей из облаков. – Спускайся давай!

Персей приземлился, и Гермес перешел к инструктажу.

– Во-первых, тебе придется разыскать этих трех старушенций, известных как Серые Сестры.

– Почему их так называют?

– Потому что они серые. А еще страшные и бессмертные. И только дай им шанс – они порубят тебя на кусочки и приготовят барбекю.

– Так зачем мне их искать?

– Им известно, где тайное убежище Медузы. Даже я не владею этой информацией. Плюс у них есть парочка вещей, что тоже понадобятся тебе в твоём приключении.

– Что за вещи?

Гермес нахмурился. Затем достал из пакета лист бумаги и перечитал.

– Понятия не имею. Они здесь не указаны. Но инфу я получил от Афины, а она обычно знает, о чем говорит. Короче, лети на восток. Через пару дней ты увидишь остров Серых Сестер. Не заметишь его не получится. Он... ну, серый.

– Спасибо тебе, Гермес! – Персей в порыве благодарности попытался обнять бога послов. Но тот отбился.

– Так, парень, держи себя в руках. Удачи тебе и постарайся не врезаться в какую-нибудь гору, ладно?

Гермес исчез в клубе дыма. Персей взлетел и помчался на восток на всей скорости, что позволяли его крылатые сандалии.

Остров Серых Сестер действительно был серым.

Из серого леса вырастала огромная серая гора, прикрытая пепельно-серым туманом. О синевато-серые скалистые обрывы бились серые волны.

Думаю, я на месте, решил Персей со свойственной ему проницательностью.

Он надел свой шлем невидимости и направился вниз, к поднимающемуся над деревьями столбику дыма, намекающему на то, что кто-то там жег костер.

На грустной полянке у зеленого от тины озера вокруг огня сидели кружком три пожилые дамы. Все в серых лохмотьях. Волосы их напоминали мышьи хвосты. На огне поджаривался большой кусок шипящего жиром мяса, и Персею меньше всего хотелось знать, чье оно было.

Приблизившись, он услышал, что дамы спорили.

– Отдай мне глаз! – завизжала одна.

– Отдай мне зуб, и я над этим подумаю! – отбила вторая.

– Моя очередь! – взвыла третья. – Ты забрала глаз, когда я была на середине последнего сезона «Ходячих мертвецов». Так нельзя!

Персей подкрался еще ближе.

Лица дам были все в морщинах и обвисли, словно потекшие маски. Глазницы были пусты, кроме средней сестры, Страшной № 2, у которой был один зеленый глаз.

Сестра справа, Страшная № 1, наслаждалась куском загадочного мяса, отрывая от него кусочки единственным гнилым резцом. У двух других сестер, похоже, зубов не было совсем. Они тоскливо цедили из кружек обезжиренный греческий «Dannon».

Страшная № 1 отгрызла очередной кусок и со вкусом его разжевала. (В смысле, с удовольствием. Едва ли у него был хоть какой-то вкус.)

– Ладно, – сказала она. – Я все равно уже наелась. Поменяюсь с тобой на глаз.

– Это нечестно! – возмутилась Страшная № 3. – Моя очередь! У меня ничего нет!

– Заткнись и пей свой йогурт! – отрезала Страшная № 1 и выдернула изо рта резец.

Страшная № 2 поднесла к глазу руку и заставила себя чихнуть. Глаз выскочил ей на ладонь, и Персею пришлось сдерживать подступившую рвоту.

– Готова? – спросила Страшная № 1. – Бросаем на счет три, и никаких шуточек!

Персей сообразил, что это его шанс совершить нечто гадкое и до жути противное. Он прокрался к костру.

– Один, – начала считать Страшная № 1. – Два...

На ее вопль «Три!» Персей быстро шагнул вперед. Тренировки в храме Афины и долгие часы за «Call of Duty», видимо, неплохо отточили его ловкость, потому что он легко поймал глаз и зуб прямо в воздухе.

Серые дамы держали ладони раскрытыми, ожидая, когда в них упадут обменные части тела.

– Что случилось? – спросила Страшная № 1. – Ты не бросила.

– Я бросила глаз! – возразила Страшная № 2. – Ты не бросила зуб!

– Я бросила! – взвизгнула Страшная № 1. – Значит, он у кого-то еще!

- На меня не смотрите! – отрезала Страшная № 3.
- Нечем смотреть! – огрызнулась Страшная № 1. – У меня нет глаза!
- Он у меня, – вмешался Персей.
- Серые дамы замолчали.
- И ваш зуб, – добавил он.

Все три дамы вытащили из-под лохмотьев кинжалы и прыгнули на его голос. Персей отшатнулся, чудом избежав участи превращения в свежий кусок мяса.

«Себе на заметку, – подумал он. – Невидимость не работает на слепых».

Страшная № 1 и Страшная № 2 столкнулись головами, упали и начали друг друга дубасить. Страшная № 3 запнулась о костер и с визгом принялась кататься по земле, стараясь сбить пламя с лохмотьев.

Персей обошел поляну.

- Если хотите назад свой глаз и зуб, вам придется хорошо себя вести.
- Они наша собственность! – взывала Страшная № 1.
- Они наша прелесть! – закричала Страшная № 3.
- Ошиблась историей, идиотка! – рявкнула Страшная № 2.

Три сестры встали. В свете от костра они выглядели жутковато – в пустых глазницах плясали тени, лезвия кинжалов пылали красным.

Персей наступил на сучок. Сестры синхронно повернулись к нему и зашипели, точно разъяренные кошки.

Персей постарался успокоиться.

- Попробуете опять напасть, – предупредил он, – и я тут же раздавлю ваш глаз.

Он слегка сжал пальцами скользкий шар. Серые Сестры закричали, схватившись за пустые глазницы.

- Ладно! – воскликнула Страшная № 1. – Чего ты хочешь?
- Во-первых, указаний, как найти логово Медузы.
- Страшная № 3 издала такой звук, точно мышь, которой наступили на хвост.
- Мы не можем! Мы обещали хранить тайну горгон!
- И оберегать орудия пророчества! – добавила Страшная № 2.
- Да, – вспомнил Персей. – Еще мне нужны эти орудия пророчества.
- Сестры завyli и принялись шлепать друг дружку по голове.

– Мы не можем отдать тебе орудия! – заявила Страшная № 3. – Горгоны полагаются на нас. Они найдут нас и убьют!

- Я думал, вы бессмертные, – заметил Персей.

– Ну... да, – признала Страшная № 1. – Но ты не знаешь этих горгон! Они будут пытаться нас, обзывать нас всякими словами и...

– Если вы мне не поможете, – перебил ее Персей, – то больше никогда не получите свой зуб и глаз.

Он чуть сильнее сжал глаз.

- Ладно! – сдалась Страшная № 1. – Отдай нам зуб и глаз, и мы тебе поможем.
- Сначала помогите мне, – возразил Персей, – и я обещаю, что немедленно их вам верну. (Что было очень легко пообещать, потому что они были отвратительны.)

– Пещера горгон находится на востоке, – рассказала Страшная № 2. – Еще трое суток полета ворона. Когда доберешься до континента, увидишь высокий обрыв над морем. Их пещера ровно посередине, на высоте пятисот футов. Единственный путь туда лежит по тоненькому выступу. Ты сразу найдешь. Просто ищи статуи.

- Статуи, – повторил Персей.
- Да! – сказала Страшная № 3. – А теперь верни нам нашу собственность!
- Не так быстро, – отозвался Персей. – Что насчет тех орудий?

Страшная № 3 разочарованно взвыла и прыгнула на Персея. Но тот легко увернулся, и она врезалась лицом в дерево.

– Ай!

– Орудия! – повторил Персей, увеличивая давление на глаз.

– Ладно! – закричала Страшная № 1. – В миле к югу отсюда стоит огромный засохший дуб. Орудия зарыты между двумя самыми крупными его корнями. Только не говори Медузе, что это мы их тебе отдали!

– Не скажу, – пообещал Персей. – Я буду слишком занят ее убийством.

– Глаз! – потребовала Страшная № 2. – Зуб!

– Ага, – Персей бросил и то и другое в заросшее тиной озеро. – Я обещал, что немедленно их верну, но я не могу допустить, чтобы вы отправились за мной, пылая жаждой мести. Так что советую скорее начать погружение, пока какой-нибудь рыбе не пришло в голову, что ваш глаз выглядит аппетитно.

Серые Сестры заорали и вслепую захромали к воде. Нырнули они, точно группа потрепанных моржей.

Персей отер пальцы о рубаху. Глазная слизь. Гадость. Запустив сандалии, он полетел через лес на восток.

Отыскать сухой дуб труда не составило. Персей принялся копать между двумя самыми большими корнями и вскоре вытащил из земли нечто, напоминающее канализационный люк, завернутый в промасленную кожу. Развернув ее, он едва не ослеп от яркого света, отразившегося от круглого бронзового щита. Его поверхность была отполирована до состояния зеркала. Даже в мрачном лесу мощи его света хватило бы, чтобы вызвать аварию на дороге.

Персей всмотрелся в вырытую им яму. Там внизу было что-то еще – что-то продолговатое и узкое, и тоже завернутое в промасленную кожу. Он вытащил это и обнаружил чудный меч в ножнах из черной кожи и бронзовой с кожаными вставками рукоятью. Персей вынул его из ножен и довольно улыбнулся. Клинок был идеально уравновешен. Края выглядели острыми как бритва.

Он взмахнул им по толстой дубовой ветке, просто чтобы убедиться. Лезвие прошло сквозь ветку, затем сквозь ствол, разрубив дерево пополам, точно оно было вылеплено из пластилина. Увидели бы вы этот меч в рекламном ролике, точно его бы заказали за \$19.99 плюс доставка и последующее обслуживание.

– О да, – сказал Персей. – Он мне подходит.

– Осторожней с ним, – произнес женский голос.

Персей развернулся и едва не обезглавил богиню Афины.

Он тотчас ее узнал. Он вырос в храме, полном статуй Афины, плакатов, кофейных кружек и бумажных подстаканников с ее изображением. На ней было длинное белое платье без рукавов. Высокий боевой шлем венчал голову. По плечам рассыпались длинные черные волосы. В руках она держала копье и прямоугольный щит, и то и другое сияло магией, а ее лицо было прекрасным, но немного пугало, что, разумеется, соответствовало образу богини войны. Ее серые как штормовые тучи глаза сверкали и излучали силу.

– Афина! – Персей упал на колени и опустил голову. – Прости, что едва не отрубил тебе голову!

– Не парься, – ответила богиня. – Встань, мой герой.

Персей встал. Голубиные крылышки на его сандалиях нервно трепетали.

– Эти... орудия для меня?

– Надеюсь, что так, – сказала Афина. – Я оставила здесь этот меч и щит, зная, что однажды за ними придет великий герой – тот, кто окажется достоин покончить с проклятием Медузы. Надеюсь, что ты и есть он. Мне кажется, Медуза страдала достаточно долго, ты так не думаешь?

– То есть ты... Постой, я не очень понимаю. Ты собираешься вернуть ей человеческий облик?

– Нет. Я собираюсь позволить тебе отрубить ей голову.

– О. Это справедливо.

– Да, я тоже так считаю. Суть в чем: ты проникнешь в пещеру горгон днем, когда они будут спать. Этот меч достаточно наточен, чтобы перерубить шею Медузы, хотя ее кожа такая же толстая, как у слона.

– А щит? – Глаза Персея засияли. – О! Я знаю! Я воспользуюсь им как зеркалом! Буду смотреть на отражение Медузы, а не на нее саму, и тогда она не сможет обратить меня в камень.

Афина улыбнулась.

– Отлично. Ты выучился кое-какой мудрости в моем храме.

– И играя в «God of War», – добавил Персей. – Там есть один уровень...

– Не важно, – отрезала богиня. – Будь осторожен, Персей. Даже после ее смерти лицо Медузы сохранит способность обращать смертных в камень. Держи ее голову в кожаном мешке и никому не показывай, если только ты не захочешь превратить кого-то в мраморную статую.

Персей кивнул, делая себе мысленную пометку.

– Что насчет сестер Медузы, двух других горгон?

– Я бы не стала о них беспокоиться. Они крепко спят. Если тебе повезет, ты уберешься оттуда, прежде чем они проснутся. Кроме того, тебе все равно не удастся их убить, даже если попытаешься. В отличие от Медузы, две другие горгоны бессмертны.

– Почему так?

– Понятия не имею. Просто прими как данность. Я это к чему: если они проснутся, уноси оттуда ноги. Быстро.

На лице Персея, должно быть, отразился тот еще смертельный ужас.

Афина вскинула руки в благословенном жесте.

– У тебя получится, Персей. Принеси славу мне, Гермесу и нашему отцу Зевсу. Твое имя будет жить вечно! Только не облажайся.

– Спасибо, великая богиня!

От избытка чувств Персей попытался обнять Афину, но та попятилась.

– Эй-ей, полегче, парень. Руки подальше от богинь.

– Извини... Я просто...

– Всегда пожалуйста. А теперь – отправляйся! Удачной охоты, Персей!

И богиня исчезла во вспышке света.

До Персея донеслись отдаленные крики Серых Сестер, что-то насчет убийства, и он решил, что пора отчаливать.

Перед убежищем Медузы проходила полная распродажа дворовых скульптур.

Как Серые Сестры и описывали, пещера находилась ровно посередине крутого скального обрыва над морем. К входу в нее вела узенькая тропа, украшенная мраморными статуями воинов в полный рост. Некоторые заносили над головами мечи. Другие прятались за щитами. Один сидел на корточках с приспущенными штанами, что явно было не самой лучшей идеей. Только подумать – в такой позе провести остаток вечности. Но у всех недогероев было кое-что общее: выражение абсолютного ужаса на лице.

Солнце поднималось над скалами, тени скользили по статуям, отчего они выглядели почти живыми. Спокойствия это Персею не прибавляло.

Раз он летал, ему не нужно было беспокоиться о заторах на тропе. Раз он был невидим, ему не стоило волноваться из-за опасности быть обнаруженным.

И все же... он был страшно напряжен. Он смотрел на этих бесчисленных смертных, что пытались сделать до него то, что он собирался совершить сегодня. Каждому из них хватило храбрости прийти сюда. Каждый был полон решимости убить Медузу.

Теперь они все были мертвы. Или нет? Вдруг они оставались в сознании, даже обратившись в камень? Тогда все было еще хуже. Персей представил, каково это, застыть в неподвижности, не имея возможности и нос почесать, и просто ждать, когда время покроет тебя трещинами и превратит в кучу обломков.

«На этот раз все будет по-другому, – заверил сам себя Персей. – Этим ребятам не помогли целых два бога».

Но уверенности не было. Что, если он был всего лишь очередным образцом в линейке божественных экспериментов? Может, Гермес и Афина сидели на Олимпе и наблюдали за ним, а в случае, если у него не получится, скажут что-нибудь вроде: «Ну что ж, не сработало. Отправим следующего парня».

Он опустился у входа в пещеру и, выставив перед собой щит и держа наготове меч, прокрался вперед.

Внутри было темно и тесно из-за нагромождения мраморных статуй. Персей осторожно протиснулся между парнем в полном боевом обмундировании с копьем, лучником с потрескавшимся каменным луком и волосатым полным чудиком в одной набедренной повязке и без оружия. Видимо, он надеялся застать Медузу врасплох, забежав в пещеру, крича и размахивая руками и выглядя еще более уродливым, чем любая из горгон. Не сработало.

Чем дальше Персей уходил в глубь пещеры, тем гуще становились тени. Застывшие навеки герои с искаженными в страхе лицами пристально смотрели на него. Каменные лезвия кололи в самые неподходящие места.

Наконец он услышал впереди тихое шипение... Как от сотен и сотен крошечных змей.

Во рту стало кисло и сухо. Он поднял полированную поверхность щита и увидел отражение женщины, спящей на койке где-то в пятнадцати футах впереди. Она лежала на спине, прикрыв руками лицо, и выглядела почти как обычный человек. На ней был простой белый хитон, а живот выглядел ненормально раздутым.

Погодите...

Медуза была беременна?

Персей вдруг вспомнил, из-за чего Медуза оказалась проклята. Она развлекалась с Посейдоном в храме Афины. То есть... о боги! Получалось, с самого своего превращения в монстра Медуза была беременна от Посейдона, но не могла родить, потому что... хотя кто знает почему? Может, то было частью проклятия.

Решимость Персея дрогнула. Убить монстра – это одно. Убить беременного монстра? Ну... Это совсем другое.

Медуза перевернулась на бок, оказавшись к нему лицом. Одно из ее золотых крыльев расправилось, упершись в стену пещеры. Руки упали, явив острые медные когти на пальцах. Волосы шевелились, представляя собой густой пучок скользких зеленых гадюк. Как можно спать, когда кожу головы щекочут их крошечные язычки?

А ее лицо...

Персей едва не взглянул на нее, желая удостовериться, что отражение его не обманывало. Изо рта торчали клыки, как у кабана. Губы застыли в злобещей ухмылке. Глаза были выпучены, отчего она немного напоминала амфибию. Но истинное уродство заключалось в том, насколько несимметричными и непропорциональными были ее черты лица. Этот нос, эти глаза, этот подбородок, этот лоб – все вместе это ну никак не сочеталось, совсем.

Видели когда-нибудь картинки с оптическими иллюзиями? Если слишком долго на них смотреть, перед глазами все расплывается и начинает мутить. Лицо Медузы производило именно такой эффект, только в тысячу раз сильнее.

Персей не отрывал глаз от отражения на щите. Ладонь так вспотела, что он едва удерживал меч. Змеиный запах от волос Медузы щекотал нос, и его затошнило. Несмотря на то что он был невидим, змеи, похоже, почувствовали неладное. Когда он подошел ближе, они зашипели и оскалились.

Остальных горгон видно не было. Возможно, они спали в другой части пещеры. Или ушли за покупками косметических средств для змеиных волос.

Он продолжал красться, пока не навис над Медузой, но уверенности, что сможет ее убить, у него не было.

Она ведь была беременна, кем бы ни был этот ребенок. Ее уродство вызывало жалость... а не гнев. Лучше бы он отрубил голову царю Полидекту. Но Персей поклялся. Если он даст задний ход сейчас, едва ли ему когда-нибудь выпадет второй шанс.

Медуза решила за него.

Видимо, она почувствовала его присутствие. Или змеиная прическа ее предупредила. Или она уловила запах полубога. (Мне говорили, для чудовищ мы пахнем как тост с маслом, но поручиться не могу.)

Выпученные глаза распахнулись. Когтистые пальцы скрючились. Она завизжала, как ударенный током шакал, и бросилась на Персея, готовая порвать его на британский флаг.

Персей вслепую махнул мечом.

Плюх.

Медуза рухнула спиной на койку.

Флюп, флюп, флюп. Нечто теплое и влажное подкатилось и остановилось у ноги Персея.

Фу-у...

Все его душевные силы ушли на то, чтобы не опустить взгляд, не заорать, как дошкольник, и не броситься со всех ног прочь. Маленькие умирающие гадюки дергали его за шнурки сандалий.

Медленно и очень осторожно он сунул меч в ножны. Затем убрал щит за спину и открыл кожаный мешок. Опустившись на колени и не отрывая глаз от потолка пещеры, он схватил голову Медузы за мертвую змеиную шевелюру, запихнул ее в мешок и удостоверился, что лямки туго затянуты.

После чего Персей впервые за последние несколько минут выдохнул.

У него получилось. Он опустил взгляд на раскинувшееся на койке безголовое тело Медузы. На полу, рисуя струйками странные узоры, собралась целая лужа крови. Разве кровь должна так себя вести?

Из лужи выросли два размытых силуэта, дрожа и колеблясь, они постепенно увеличивались в размерах, пока тело Медузы съеживалось, исчезая.

Персей, застыв в изумлении, увидел, как из жидкости, точно она вдруг превратилась в дверной проход, вырвался взрослый жеребец. Конь заржал и зафыркал, расправляя запятнанные кровью похожие на орлиные крылья.

Персей не знал, что стал свидетелем рождения Пегаса, первой крылатой лошади.

Затем вторая фигура выскочила из лужи крови: мужчина в золотых доспехах с золотым мечом в руке. Позже он станет известен как Хрисаор, золотой воин, и, видимо, он унаследовал кое-какие черты матери, потому что Персей при виде его торопливо попятился.

Вы, наверное, гадаете: как у Медузы могли родиться золотой воин и крылатый конь? И как они могли оставаться внутри ее все эти годы?

Спросите что-нибудь попроще. Я просто рассказываю, как все было. Если вы ищете везде здравый смысл, вы не в той вселенной.

Не знаю, стал бы Хрисаор биться с Персеем или поблагодарил бы его, но, прежде чем они успели обменяться телефонными номерами, Персей наткнулся спиной на одну из мраморных

статуй. Та упала на другую, эта на третью, да здравствует домино, и... ну, вы поняли. Пещеру наполнил грохот от разбивающихся каменных героев.

– Упс, – сказал Персей.

Откуда-то слева женский голос прошипел:

– Медуза! Что случилось?

Справа зашипела третья горгона:

– Нарушитель! Убийца!

На Персее все еще был его шлем-невидимка, но доверять ему свою жизнь он не стал. Оттолкнувшись крылатыми сандалиями, он на полной скорости вылетел из пещеры.

Две горгоны с криками бросились за ним. Их золотые крылья рассекали воздух со звоном музыкальных тарелок. Звук становился громче, но Персей не смел оглядываться. Он вложил всю волю в сандалии, прибавляя им скорости. Крошечные голубиные крылья начали тлеть. Что-то царапнуло его по пятке, и у него возникло ужасно неприятное предположение, что это был коготь горгоны.

В жесте отчаяния он щитом отправил себе за спину отражение солнечного света. Горгоны завизжали, временно ослепленные, и Персей нырнул в облака.

Несколько часов спустя он почти уверился, что оторвался, но не останавливался, пока сандалии не начали дымиться. А в таких случаях, согласно рекомендациям Федерального управления гражданской авиации, вам необходимо приземлиться и провести проверку на безопасность.

Персей присел передохнуть на голый скальный выступ посреди моря. В какую сторону ни посмотри, вокруг была одна вода, но, по крайней мере, он различил на горизонте гаснущее зарево от заката.

– Что ж, – сказал он сам себе, – я хотя бы знаю, где запад. Если полечу туда, рано или поздно попаду домой.

Неправильно. Чувак, похоже, совсем не следил, куда и как летит, пока удирал от горгон. Или он пользовался «Apple Maps», потому что капитально заблудился.

Когда он долетел наконец до земли, то был не остров Серифос, а широкая полоса материка с выжженными красными холмами и пустыней, тянущимися так далеко, как только глаз мог различить в лунном свете.

Персей изучал географию в храме Афины. Лишь одно место соответствовало этому описанию.

– Африка? Seriously, это Африка?!

Да. Это было побережье Африки, другими словами, Персей успел забраться очень далеко на юг.

Но он так устал, проголодался и хотел пить, что ему было все равно. Какая разница, главное – найти какой-нибудь город, попросить указать нужное направление и немного передохнуть. Он летел вдоль берега до самого рассвета и тогда заметил вдалеке башни города.

– Ура! – сказал он сам себе. – Города означают людей! Я люблю людей!

Подлетев ближе, он заметил, что что-то не так. В порту собралась толпа из нескольких тысяч людей. Все смотрели на воду, точно чего-то ждали. Перед толпой стоял белый шелковый шатер, внутри которого сидели и тоже наблюдали за происходящим двое: судя по виду, царь и царица.

У входа в гавань из моря вырастала одинокая зазубренная скала. На узком выступе примерно в сорока футах над волнами была прикована юная девушка.

Это ненормально, подумал Персей. Он снял шлем-невидимку, не желая напугать девушку (конечно, ведь летающий парень в крылатых сандалиях, возникший из ниоткуда, никого не удивит), и подлетел к ней.

Девушка вела себя на удивление спокойно. Она посмотрела на него красивыми темными глазами. Ее волосы были черны, как эбеновое дерево, кожа сияла, как полированная медь. На ней было простое зеленое платье, не скрывающее чудесных рук и шеи.

Персей повис перед ней в воздухе.

– Э-э. Э-эм... – Он пытался вспомнить, как связывать слова в предложения, будучи уверенным, что еще пару секунд назад отлично это умел.

– Тебя не должно здесь быть, – сказала ему девушка. – Морское чудовище с минуты на минуту приплывет, чтобы убить меня.

– Морское чудовище? – очнулся Персей. – Что происходит? Почему ты прикована к скале?

– Потому что мои родители полные идиоты.

– О'кей... А можно подробности?

– Меня зовут Андромеда. Я царица этой страны, Эфиопии.

– Хочешь сказать, твои родители – царь и царица? – спросил Персей. – И они позволили тебя приковать?

Андромеда закатила свои потрясающие глаза.

– Это была их идея! Долгая история. Моя мама – царица Кассиопея – больна тщеславием. Где-то с год назад она стала похвастаться, будто красивее даже nereid Посейдона.

– О, это зря. – Персей никогда не встречал nereid, но слышал о них. Они были трупной подводных богинь Посейдона и считались сногшибательными красотками. Еще ему было известно, что боги ненавидят, когда люди сравнивают их со смертными.

– Ага, – подтвердила Андромеда. – Вот Посейдон и разгневался и отправил это тупое чудовище терроризировать наш остров. Оно топило корабли, рушило порт, закусывало рыбаками – в общем, ни единого шанса спокойно позагорать на пляже. Тогда наш местный тупой жрец – или кто он там – сказал моему папе, царю Кефею, что единственный способ порадовать Посейдона – это приковать меня к этой скале в качестве жертвы чудовищу.

– Бред какой-то, – возмутился Персей. – Ты же ни в чем не виновата.

– Я пыталась объяснить это горожанам. Но не очень получилось.

– Ты не выглядишь особо напуганной.

Андромеда пожала плечами, точнее, попыталась, учитывая, что ее руки были скованы цепями.

– Не в моих силах что-то изменить. И потом, оказаться убитой морским чудовищем звучит не так ужасно, как жить с моими придурками-родителями. Если они думают, что я буду кричать и молить сохранить мне жизнь, я не доставлю им такой радости. Когда появится чудовище, я собираюсь обрушить на него такие отборные проклятья, что у него кровь из ушей пойдет. Я практиковалась.

Персей поразмыслил секунду.

– Уверен, твои ругательства сработают. Но что, если есть другой путь? Что, если я освобожу и спасу тебя?

– Было бы здорово, – ответила Андромеда. – Но это не решит проблему чудовища. Я хочу сказать, горожане поступили со мной ужасно, но я не хочу, чтобы морское чудовище разорвало их всех на кусочки. И потом, оно наверняка отправится за мной, куда бы я ни сбежала.

– Неа, – возразил Персей. – Потому что я его убью.

Андромеда уставилась на него.

– Без обид. Ты симпатичный. И, уверена, храбрый. Но это морское чудовище... А, вообще-то, оно уже здесь.

Поверхность моря недалеко от скалы забурлила. Из пучины появилась жуткая голова размером с самосвал. Морду покрывала сине-зеленая чешуя. Пасть щетинилась острыми как иглы зубами. Голова все поднималась на длинной шее, пока желтые, как у рептилии, глаза не

оказались на уровне выступа, на котором стояла Андромеда. Под водой темнел силуэт огромного туловища, точно выкормленная стероидами Несси.

Чудовище зашипело, выпустив фонтан слюны и пламени. Судя по убийственной вони из рта, оно предпочитало на закуску китов.

Горожане в порту принялись кричать и улюлюкать. Персей не понял, это они от ужаса или в предвкушении зрелища.

Но после сражения с Медузой это морское чудовище не особо его впечатлило.

– Андромеда, – сказал он, – закрой глаза.

– Ладно.

– Эй, приятель, – обратился Персей к чудовищу, – хочешь посмотреть, что у меня в мешке?

Морское чудовище наклонило огромную голову. Оно не привыкло, чтобы смертные так спокойно с ним говорили. И оно любило сюрпризы.

Персей закрыл глаза и вытащил голову Медузы.

Вдоль всего тела чудовища пробежал громкий треск, как по озеру, подвергшемуся мгновенной заморозке.

Персей досчитал до трех, затем сунул голову Медузы назад в мешок и открыл глаза.

Чудовище превратилось в самую большую скульптуру из песка в мире. На глазах Персея оно раскололось на куски и затонуло.

– Э-э, – неуверенно протянула Андромеда. – Уже можно смотреть?

– Да.

– Это мерзко?

– Нет, не очень.

Андромеда уставилась на огромное темное пятно песка, медленно уходящее на дно.

– Ого. Как ты это сделал?

Персей рассказал ей о голове Медузы. Андромеда взглянула на мешок у него на поясе.

– Круто. Слушай, насчет этих цепей...

Персей освободил ее.

– Эм. Не хочешь замуж или чего-нибудь в таком роде?

– Звучит здорово, – ответила Андромеда.

– Можно тебя обнять?

– Определенно.

И так Персей узнал, что такое истинная любовь. Они обнялись и поцеловались. Затем он взял ее за талию, прижал к себе, и они полетели к городу.

Приземлились они у шатра царя и царицы. Можете себе представить, что спускающийся с неба греческий герой, только что обративший чудовище в гору пыли, должен был вызвать немало охов и ахов. Андромеда рассказала, что произошло, и объявила, что собирается выйти замуж за этого красивого греческого царевича.

– Если только у вас нет возражений, – добавил Персей.

Царь Кефей окинул взглядом сына Зевса со всеми его налитыми мускулами, крылатыми сандалиями, запятнанными кровью доспехами и внушительным острым мечом.

– Никаких возражений! – ответил царь.

Царица издала такой звук, будто пыталась проглотить целиком засохшую хлебную корку.

– Отлично! – сказал Персей. – Я хочу, чтобы вы, ребята, восславили богов в честь моей победы, ладно? И, ну, сами понимаете, извинились за ваш идиотизм. Я хочу, чтобы на той скале, где вы приковали вашу дочь, вы построили три храма. Тот, что слева, будет посвящен Гермесу. Тот, что справа, – Афине. А тот, что посередине, – Зевсу. Если Посейдон обозлится, что его морское чудовище было убито, ну... эти храмы убедят его, что город находится под

защитой трех других богов. Если ему не захочется с ними воевать, он отступит. И пока вы всем этим занимаетесь, принесите в жертву богам несколько коров.

– Коров, – повторил царь.

– Да. Трех, думаю, будет достаточно. А теперь пусть начнется свадебный пир!

Толпа, что еще совсем недавно радовалась смерти Андромеды, теперь торжествовала по поводу ее замужества. Царь и царица торопливо организовали во дворце вечеринку с кучей ломящихся яствами столов и сплошными заторами в проходах, танцами, и как там еще развлекались эти безумные эфиопы, когда уходили в отрыв. Царица Кассиопея большую часть времени любовалась собственным отражением в щите Персея. (Потому что некоторых жизнь ничему не учит.)

К несчастью, не все обрадовались этой свадьбе. Был один местный богач по имени Финеас, которому обещали отдать Андромеду в жены, пока не возникла вся эта ситуация с морским чудовищем. Теперь же, когда опасность миновала, Финеас разозлился, что его будущую супругу отдали какому-то греку в сияющих доспехах и с головой в мешке.

Пока шел пир, Финеас собрал пятьдесят своих самых крепких приятелей. Они выпили слишком много вина, болтали всякие гадости и под конец решили, что без проблем разделаются с этим новеньким Персеем.

Они ворвались в зал, где проходили празднества, размахивая оружием и производя очень много шума.

– Верни мне мою жену, ты, урод! – Финеас бросил в Персея копье, но так как он был пьян, копье воткнулось в стену над головой Персея.

(Урок на будущее, дети. Не напивайтесь и не швыряйте копья.)

Персей поднялся из-за стола.

– Кто этот шутник?

– Это Финеас, – буркнула Андромеда.

– Что это за имя такое, Финеас? Прямо как герой комиксов.

– Он местный богатый придурок, – пояснила Андромеда. – Считает меня своей собственностью.

– Ты не будешь против, если он умрет, ну, внезапно и мучительно?

– Я переживу это горе, – ответила царица.

– Ты слышал ее, Финеас, – предупредил Персей. – Убирайся со своими друзьями, пока можете.

– Грязный грек! – закричал Финеас. – Разделаемся с ним!

Еще один небольшой совет. «Разделаемся с ним!» – это дурацкая идея для эпитафии в качестве последних произнесенных тобой слов.

Пятьдесят эфиопских воинов бросились на Персея, и тот вступил в бой.

Я упоминал, что он был лучшим воином на Серифосе? Так вот, оказалось, что он был лучшим воином вообще везде. Он снес голову одному. Заколол другого. Отрубил руки и ноги еще нескольким, по сути превратив застолье в кровавую баню.

Финеас храбро держался позади и только и делал, что бросал копья и мазал. Наконец Персею это надоело. Он поймал одно из копий и швырнул его назад. Оно бы наверняка пронзило Финеаса, если бы тот в последнюю секунду не нырнул за статую Афины. Копье отскочило от каменного щита богини.

– Эй, это подло! – возмутился Персей. – Прятаться за моей любимой богиней!

Он разозлился еще сильнее. Убил еще нескольких ребят.

Пока не загнал Финеаса и его оставшихся дружков в угол.

– Сдавайся, – сказал Персей. – Я устал от всего этого, и из-за тебя весь мой свадебный костюм в пятнах крови.

– Мы никогда не сдадимся! – завизжал Финеас. Его приятели выставили перед собой мечи, но выглядели они уже не столь уверенно.

– Да пожалуйста, – отозвался Персей. – Я вас предупреждал. – Он повысил голос, чтобы все в зале могли его слышать. – Все, кто считает себя моим другом, закройте глаза! Я достаю голову Медузы!

Умные люди поспешили крепко зажмуриться.

– Ой, да ладно! – фыркнул Финеас. – Он хочет вас всех провести. То морское чудовище тоже наверняка было всего лишь иллюзией, которую он наслал, чтобы предстать героем! Нет у него на самом деле головы Медузы...

Персей достал из мешка голову Медузы. Финеас и все его дружки обратились в камень.

Персей сунул голову назад и вытер окровавленный меч о ближайшую штору. Затем посмотрел на своих новоиспеченных тестя и тещу.

– Извините за беспорядок, – сказал он.

– Не вопрос, – пискнул царь.

Царица ничего не ответила. Она была слишком занята своим отражением в кубке.

– Андромеда, – позвал Персей, – ты готова убраться отсюда?

– О да. – Царевна бросила на родителей прощальный презрительный взгляд. – Это царство – отстой.

Вместе они улетели в закат, направляясь на Серифос, но перед этим внимательно изучили маршрут, предлагаемый «Apple Maps».

Здесь древнегреческие и древнеримские авторы добавляют в копилку приключений Персея еще немало побочных историй. Они утверждают, будто он посетил Италию и еще с дюжину островов, но, думаю, они просто хотят поживиться за счет туристического бума на тему Персея. Из серии: «Здесь спал Персей!» или «Сфотографируйтесь на месте, где Персей убил ужасного Мальтийского Бородавочника!». Я на это не куплюсь.

В одной из этих историй Персей летит на западное побережье Африки, встречает титана Атласа, что держит небо, и обращает его с помощью головы Медузы в камень. Вроде бы именно так в Северной Африке появились Атласские горы.

Я этому не верю, потому что: 1) голова Медузы не может обращать в камень бессмертных, 2) Атлас появляется в нескольких историях, произошедших по времени позже, и будучи очень даже живым, 3) я лично встречался с Атласом, и он точно не был статуей. Тугодумом – да, но не статуей.

В конце концов Персей и Андромеда добрались до Серифоса. Но там их ждал ужас, страшнее целой стаи горгон.

Весь город был украшен растяжками и цветами. Судя по всему, женился кто-то очень важный, и что-то подсказывало Персею, что то была не дочь как-там-ее-звали старого приятеля царя.

Они с Андромедой перемахнули через дворцовые стены и залетели прямо в тронный зал, где все было готово для свадебной церемонии.

Царь Полидект, весь в белом и золоте, с широкой улыбкой на лице стоял на помосте, пока два бугая-стражника волокли мать Персея, Данаю, к трону. Она сопротивлялась и кричала, но никто не пытался ей помочь, за исключением брата царя, рыбака Диктиса, который много лет назад вытянул Данаю и Персея из моря. На глазах Персея рыбак предпринял попытку повалить одного из стражников, но тот ударил старика по лицу, и он упал.

– ОСТАНОВИТЕСЬ! – взревел Персей. Они с Андромедой приземлились в центре зала. Толпа ахнула и подалась назад.

Царь Полидект побледнел. Он не мог поверить, что Персей вернулся, да еще в столь неподходящее время. Он что, не мог явиться минут через пять? Кроме того, царю очень не

нравились новый меч Персея и окровавленный мешок, висящий на его ремне. Но перед собравшимися приходилось держать лицо.

– Так-так, только посмотрите, кто это, – растянул губы в язвительной улыбке Полидект. – Неблагодарный бродяжка, наобещавший с три короба! Зачем ты вернулся, мальчик? Извиниться за свою неудачу?

– О, я нашел Медузу, – нарочно спокойно ответил Персей и поднял кожаный мешок. – Вот ее голова, как я и обещал. А теперь ответь, что здесь происходит?

– Все просто! – воскликнул царь. – Твоя мать наконец-то согласилась выйти за меня!

– Ничего я не соглашалась! – закричала Даная. Один из стражников зажал ей рот. Кто-то в толпе – видимо, те же, что дразнили Персея перед тем, как он отправился в путешествие, – нервно засмеялся.

Андромеда сжала ладонь Персея.

– Мне пора закрывать глаза, любимый? Потому что этот царь определенно нарывается.

– Согласен, – ответил Персей. – Полидект, ты никогда не женишься на моей матери. Ты недостойн ее, как недостойн быть царем. Отдай корону, и я обрекаю тебя на изгнание. Иначе...

– Это смешно! – взвизгнул царь. – Стража, убейте его!

Дюжина солдат вскинули копья и окружили Персея и Андромеду.

– Не делайте этого, – предупредил он. – Я превращу вас в камень.

– Да, конечно! – закричал царь. – Чего же ты тогда ждешь?!

Что, опять-таки, послужит не лучшей эпитафией на вашей могиле.

– Все, кто со мной, – громко объявил Персей, – немедленно закройте глаза!

Андромеда, Даная и Диктис зажмурились, а Персей выставил перед собой отрубленную голову горгоны.

По залу разнесся треск. И наступила полнейшая тишина.

Персей убрал голову Медузы и открыл глаза. Все собравшиеся (за исключением его друзей) обернулись в камень, что означало резкое падение цен на мраморную скульптуру на Серифосе.

Полидект с открытым в немом крике ртом сидел на своем троне. Стражники напоминали огромные шахматные фигуры. Высокомерные вельможи, смеявшиеся над Персеем, больше никогда не смогут ни над кем поиздеваться.

– О, это было потрясающе, – Андромеда поцеловала своего мужа. – Отличная работа.

Персей убедился, что его мать в порядке. Она крепко его обняла. Затем он помог старому рыбаку Диктису подняться.

– Спасибо, мой друг, – сказал Персей. – Ты всегда был добр к нам. Ты хороший человек. Теперь, когда твой брат мертв, я хочу, чтобы ты стал царем Серифоса. – Он обвел взглядом тронный зал. – Есть возражения?

Мраморные вельможи не возражали.

– Я... – рыбак выглядел ошеломленным. – Я хочу сказать спасибо, наверное. Но как же ты, Персей? Разве не ты должен занять трон?

Персей улыбнулся.

– Серифос никогда не был моим домом. Аргос – вот где я родился. И там я стану царем.

Он оставил маму на Серифосе, потому что она не желала возвращаться на родину. (Сложно было ее в этом винить, согласитесь?) Он обещал как можно чаще писать ей и созваниваться по скайпу, потому что был хорошим сыном. После чего они с Андромедой полетели на материковую Грецию.

Так вышло, что дед Персея – помните старину Акрисия с его бронзовой темницей, воплями и криками? – узнал заранее о планах внука. Не знаю как. Может, услышал пророчество или увидел плохой сон. К тому моменту, когда Персей добрался до города, Акрисий сбежал.

Никто не был против, чтобы Персей и Андромеда стали царем и царицей Аргоса. Они устроили пышную свадьбу и нарожали кучу детишек. Персей вернул свои магические штучки Гермесу (потому что в таких случаях не стоит быть жадным) и преподнес голову Медузы в дар Афине, которой она так понравилась, что богиня покрыла ее бронзой и поместила в центр своего щита, Эгиды, дабы устрашать врагов во время битв.

К этому моменту вы могли задаться вопросом: а что насчет того пророчества, из-за которого все, собственно, и началось? Разве Персей не должен был убить своего деда?

Он и убил, но позже. Причем произошло это по чистой случайности.

Несколько лет спустя, после коронации Персея, он принял участие в спортивных играх, что проходили в соседнем царстве. Кучка знати соревновалась между собой, желая продемонстрировать свою крутость и выиграть симпатичные призы. Персей записался на метание диска.

Так получилось, что старик Акисий тоже оказался там. Он уже какое-то время скрывался в этом царстве, изображая из себя попрошайку, но не поленился занять место в первом зрительском ряду, потому что игры напоминали ему старые добрые деньки, когда он сам был царем, а не жил в постоянном страхе за собственную жизнь.

Персей приготовился к броску. Если вы никогда не видели диск для метания, то представьте трехфунтовый металлический фрисби. Смысл в том, чтобы зашвырнуть его как можно дальше, показав тем самым свою силу.

Акисий не видел своего внука с тех пор, как он был младенцем. Он не знал, кем был этот атлет, пока комментатор не объявил:

– Бросает Персей из Аргоса!

Глаза старика расширились. Он пробормотал:

– О, блин.

Или что-то пожестче.

Но Персей бросил диск, прежде чем Акисий успел уйти. Чудовищный порыв ветра подхватил снаряд и отправил его напрямик в старика, убив его на месте.

– ОЙ! – взвизгнула толпа.

Персей был шокирован этим убийством. Но как только древнегреческая криминалистическая лаборатория идентифицировала жертву как Акисия, а его смерть признали несчастным случаем, Персей решил, что на то была воля богов. Он вернулся на Аргос, и они с Андромедой нарожали еще детей.

У них была такая большая семья, что половина греков считает себя потомками Персея. Говорят, именно с одного из его сыновей, Перса, началась династия персидских царей. Одну из его дочерей звали Горгофона. Нет, серьезно, зачем? Это ведь по сути означает «звучит как горгона»? Или ее называли в честь горячей телефонной линии? *Скорее, царь Персей, вам звонят по Горгофону!*

Самым известным его потомком был парень по имени Геркулес.

Но мы до него еще дойдем.

Пока же пусть Персей наслаждается своим хеппи-эндом с бесчисленными объятиями Андромеды и множеством полубожественных детишек.

Потому что я хочу доказать, что мать Андромеды, Кассиопея, была не самой ужасной тещей в истории. Это звание принадлежит богине любви Афродите. Во что она превратила жизнь Психеи... Что ж, если у вас достаточно крепкий желудок, чтобы сражаться с драконами, терпеть пытки, сгонять в Аид и встретиться с отарой овец-убийц, читайте дальше.

Приятно не будет.

Психея тырит коробку крема для лица

Ужасно, должно быть, родиться сногшибательной красоткой.

Нет, я серьезно. Подумайте сами.

У Психеи должно было быть счастливое детство. Ее родители были царем и царицей одного греческого города. Третья, самая младшая девочка в семье, поэтому на нее бы уже не давили так сильно из-за успехов в школе или по поводу выбора мужа. Она должна была научиться стоять за себя, наслаждаться жизнью маленькой царевны и быть независимой и счастливой.

К несчастью, она была красива.

Я не имею в виду нормальную для людей привлекательность. Ее сестры были *нормально* красивы. Будь Психея так же очаровательна, как они, или хотя бы слегка милее, не было бы никаких проблем.

Но дожив до подросткового возраста, Психея резко перешла из разряда «Какой хорошенький ребенок!» в «О боги! Ох, ВАУ! Она БЕЗУМНО ПРЕКРАСНА!».

Она не могла открыть окно своей спальни, чтобы не увидеть на улице толпу из сотни поклонников, отпускающих комплименты, аплодирующих и бросающих цветы (а это, между прочим, больно, получить букетом по лицу). В каждый свой выход в город ей приходилось брать с собой четырех телохранителей, чтобы те сдерживали разгоряченных парней.

Ей все это совсем не нравилось. Она не считала себя сколько-нибудь лучше других людей. Внимание ее удручало. Она хотела быть обычной девушкой с обычной внешностью, но даже пожаловаться ей было некому.

– Ой, бедняжка! – восклицали друзья, зеленея от зависти. – Ты так прекрасна! Это, наверное, такой тяжкий груз!

Чем старше она становилась, тем меньше у нее оставалось друзей. Все в школе ужасно с ней обращались. Ее игнорировали и распускали о ней слухи, потому что именно так ведут себя люди, ощущая угрозу своему положению. Но, полагаю, если вы сами ходили в школу, вы и так в курсе, как это бывает.

Хуже всего вели себя старшие сестры Психеи. Они казались милыми, но за спиной говорили о ней гадости и подначивали всех, чтобы те тоже плохо с ней обращались.

«Ну что ж, – думаете вы, – по крайней мере, с ее внешностью она могла отхватить себе любого парня, так?»

Не так.

Психея была настолько привлекательна – так пугающе прекрасна, – что ни один парень не смел позвать ее на свидание. Они восхищались ею. Бросали ей цветы. Вздыхали и пялились на ее лицо, рисовали ее профили во время занятий, но все их обожание напоминало чувства, что ты испытываешь к любимой песне, или к фантастическому фильму, или к лучшим рисункам на «DeviantArt». Она была *вне* реальности – совершенна в своей недоступности и недоступна в своем совершенстве.

Родители Психеи все ждали горы писем с просьбой о женитьбе. Не пришло ни одного. Ее сестры, что были стандартно красивы по меркам смертных, удачно вышли замуж за богатых царей других городов, пока Психея торчала в родительском дворце, в одиночестве, без друзей, без парня и вообще без каких-либо радостей жизни.

Что делало Психею страшно несчастной, но это не охлаждало пыл ее поклонников.

К тому моменту, когда ей исполнилось семнадцать, горожане поставили на площади ее мраморную статую в полный рост. Поползли слухи, что она на самом деле была не человеком, а богиней, сошедшей с Олимпа – второй после Афродиты или даже прекрасней Афродиты. В город потянулись жители других царств в надежде увидеть ее хотя бы одним глазком. Ее родной город обогатился за счет туризма. Шились футболки. Устраивались групповые туры. Огромным успехом пользовалась серия косметических продуктов, гарантировавших, что вы будете выглядеть как Психея!

Психея пыталась их приструнить. Она была набожна и умна (но окружающие за ее красотой этих качеств, похоже, не замечали), никогда не забывала молиться и совершать подношения в храмах, потому что ей не хотелось огорчать богов.

– Я не богиня! – твердила она людям. – Прекратите так говорить!

– Ага, – бормотали те, стоило ей уйти. – Еще бы она не богиня.

Молва о Психее распространялась, подобно вирусу. Вскоре уже целые толпы со всего Средиземноморья предпочитали отправиться посмотреть на нее, чем посетить храмы Афродиты.

Можете себе представить, как на это отреагировала сама Афродита.

Однажды богиня взглянула на землю из личного спа-салона на Олимпе, ожидая увидеть орды фанатов у своего главного храма на острове Китира. Но там никого не было. Пол храма покрывал слой пыли. Алтарь был пуст. Даже жрецы ушли. На двери висела табличка: «Ушли поклоняться Психее. Будем позже».

– Что происходит? – Афродита вскочила, едва не испортив себе маникюр. – Где все? Почему никто мне не поклоняется? Кто такая эта Психея?

Слуги не хотели ей рассказывать, потому что уже как-то раз видели богиню в гневе, но она быстро все узнала сама. Несколько минут наблюдений за миром смертных, парочка поисков по хэштегам, и она уже знала все об этой выскочке Психее.

– О, клянусь Аидом, нет, – зарычала Афродита. – Нет главнее и прекраснее богини во вселенной, чем я, и меня обставила какая-то смертная? Эрос, бегом сюда!

Согласно одним легендам, Эрос был даже старше Афродиты. Согласно другим, он был ее сыном. Не знаю, где правда, но в этой истории Афродита определенно обращалась с ним как со своим сыном. Может, он им и был, а может, Афродита лишь так думала, а Эрос не отважился ее поправить. Как бы то ни было, этот чувак был богом романтической любви, что-то вроде мужского аналога Афродиты. Его больше знают по его римскому имени Купидон.

Означает ли это, что он был пухлым младенцем с крылышками, крошечным луком и симпатичными маленькими стрелами, каким его рисуют на валентинках? Вообще-то, нет.

Эрос был дьявольски красив. Все девушки мечтали поставить его фото на рабочий стол компьютера. Желаете подробности? Жаль вас огорчать, у меня их нет. Как и Афродита, его внешность зависела от ваших личных предпочтений. Поэтому, леди, представьте себе вашего идеального парня... и именно так выглядел бы Эрос.

Он неторопливо зашел в приемную своей мамы, весь такой неотразимый в своих узких джинсах и модно порванной футболке, с идеально взъерошенными волосами и игривым блеском в глазах, а фоном звучала песня «I'm Too Sexy». (Я все это выдумал. Меня там не было.)

– В чем дело? – спросил он.

– *В чем дело?! –* прошипела Афродита. – Ты слышал об этой девчонке, Психее? Ты вообще в курсе, что происходит в мире смертных?

– Э-э... – Эрос почесал свой мужественный подбородок. – Психея? Нет. Ничего на ум не приходит.

Афродита рассказала, как Психея украла всех ее поклонников и их подношения, а вместе с ними и заголовки желтых изданий.

Эрос нервно поежился. Расстроенная Афродита была плохим знаком. В этом состоянии она могла устроить множественные разрушения своими симпатичными розовыми взрывами.

– Так что ты хочешь от меня?

Афродита смерила его сердитым взглядом.

– Что я хочу от тебя? Чтобы ты делал свою работу! Твои стрелы заставляют смертных влюбляться, так? Найди эту девчонку и преподай ей урок. Пусть она влюбится в самого отвратительного и ужасного человека во всем мире. К примеру, в вонючего старика-попрошайку. Или в жестокого убийцу – меня не интересуют детали. Удиви меня! Будь хорошим сыном! Заставь ее пожалеть о своей красоте!

Разумеется, Психея и так жалела о своей красоте, но Афродита об этом не знала. Эта мысль в принципе не могла заполнить в ее божественные мозги.

Эрос захлопал своими белыми крыльями. (Кстати, да, у него были огромные крылья. Я об этом упоминал?)

– Я все понял... э-э, мама. Не волнуйся.

Эрос вылетел из спа-салона Афродиты и по спирали ухнул вниз, к миру смертных. Ему не терпелось выполнить возложенную на него миссию. Богу любви было любопытно, что это за девушка и почему вокруг нее столько шума. Еще он просто обожал составлять самые нелепые влюбленные пары. Может, он заставит ее полюбить продавца б/у колесниц или какого-нибудь старика с кожной инфекцией. Вот же смеху будет!

– О да, – Эрос хихикнул собственным мыслям. – Психея пожалеет, что вообще меня увидела!

Он оказался прав, но совсем в ином смысле...

Тем временем Психея сидела в заточении во дворце и ненавидела жизнь.

Ее сестры вышли замуж и покинули отчий дом. У нее не было друзей. Рядом были лишь родители и отряд телохранителей. Большую часть времени она проводила в постели в полутемной комнате, накрывшись с головой одеялом, плача и чувствуя себя абсолютно несчастной.

Разумеется, ее родители за нее беспокоились. Кроме того, они надеялись удачно выдать ее замуж, ведь это бы принесло такие приятные плюшки, как военные союзы и позитивный имидж у СМИ. Они не понимали, как их красивая и знаменитая дочь, Новая Афродита, может пребывать в депрессии.

К ней в комнату пришел царь.

– Помпончик, что не так? Что я могу для тебя сделать?

Психея шмыгнула носом:

– Просто дайте мне умереть.

– Я больше склоняюсь к чашке горячего какао. Или, может, новенького плюшевого мишки?

– Пап, мне семнадцать!

– Вот что я тебе скажу. Давай я отправлюсь в Дельфы и проконсультируюсь с оракулом? Бог Аполлон наверняка поможет нам советом!

Я упоминал, что посещение Дельф обычно плохо заканчивалось?

Но царь все равно туда поехал. Он спросил оракула, как ему найти для дочери хорошего мужа.

Леди-оракул вдохнула вулканических испарений и ответила глубоким мужским голосом – голосом Аполлона.

– Крепись, царь! – заорала она, а подобное начало никто не захочет услышать. – Твоя дочь никогда не выйдет замуж за смертного. Ей предназначено стать супругой монстра – ужасного, дикого чудовища, которого страшатся даже боги! Одень ее на свадьбу так, как если бы она

отправлялась на твои похороны. Отведи ее на самую высокую скалу в твоём царстве. Там она встретит свою судьбу!

БУ! БУ! БУ! – загремело по пещере эхо.

Оракулу вернулся ее прежний голос.

– Благодарим за ваши подношения. Хорошего дня.

Вернувшись домой, царь пришел к дочери.

– Помпончик... у меня есть для тебя плохая и хорошая новости. Хорошая новость заключается в том, что у тебя будет муж.

Услышав пророчество, Психея оцепенела и погрузилась в молчание, что напугало ее родителей даже сильнее плача. Она смирилась с судьбой. Она ведь просила о смерти, так? Видимо, боги решили исполнить ее желание. Она выйдет замуж за монстра, что в данном случае приравнивалось к «ее разорвут на кусочки, и она пойдет на сбалансированный завтрак супруга».

Родители заплакали, но Психея взяла их за руки.

– Не плачьте обо мне. Вот что происходит, когда смертные бросают вызов богам. Я должна была раньше остановить весь этот фарс про «Новую Афродиту». Я знала, это плохо кончится. Я не богиня. Я всего лишь простая девушка! Если моя смерть принесет покой и убережет город от божьего гнева, с меня будет довольно. Это станет первым моим полезным делом за всю жизнь.

Ее родители были в ужасе. Но они получили прямые указания от Аполлона, а игнорировать бога нельзя, если, конечно, ты не хочешь обратиться в атомы под дождем из огненных стрел.

Когда обо всем этом стало известно, весь город погрузился в состояние скорби. Их божественно прекрасная царевна, перерождение самой богини любви, станет жертвой чудовища на самой высокой скале царства. Это плохо скажется на продажах косметики местного бренда «Психея™».

Родители одели Психею в черное шелковое платье, прикрыли лицо черной вуалью и дали ей в руки букет черных цветов. Они отвели ее на границу царства, где в небо устремлялся пятисотфутовый скальный шпиль. Многие столетия назад вокруг него прорубили узкие ступеньки, превратив скалу в сторожевую башню. Психея в одиночестве поднялась на вершину.

«Терять нечего, – подумала она, глядя на камни на земле далеко внизу. – Надеюсь, в следующей жизни у меня будет обычная внешность. Или уродливая. Было бы чудесно пожить уродиной для разнообразия».

Страх не было, что ее удивило. Наоборот, впервые за многие годы она ощущала душевный покой. Она подождала немного, вдруг из ниоткуда выскочит монстр и перекусит ее пополам. Когда этого не произошло, она решила взять дело в свои руки.

Она прыгнула.

Насколько могли судить ее родители, стоящие у основания шпиля, Психея разбилась о скалы. Тело так и не нашли, но это ничего не значило. День стоял ветреный, и они были слишком расстроены для полноценных поисков. Кроме того, если Психея не погибла, это означало, что монстр из пророчества все-таки забрал ее, а это было еще хуже. Несчастные царь и царица вернулись во дворец, уверенные, что они больше никогда не увидят свою любимую дочь и приманку для туристов.

Конец.

Не совсем.

Если смотреть в перспективе, Психея страдала бы меньше, погибни она тогда, но этого не случилось. Когда она падала со скалы, вокруг нее вдруг закружил ветер. На высоте около сорока футов над землей он подхватил ее и понес вверх.

– Привет, – произнес кто-то невидимый. – Я Зефир, бог западного ветра. Как дела?

– Э... умираю от страха? – ответила Психея.

– Отлично, – сказал Зефир. – Нам предстоит небольшой утренний полет до дворца моего господина. Погода отличная, но возможна турбулентность на взлете.

– До дворца твоего господина?

– Пожалуйста, не забывайте держать ремни безопасности пристегнутыми и не отключайте детекторы дыма в туалетах.

– На каком языке ты говоришь? – спросила Психея. – О чем ты вообще-А-А-А!!!

Западный ветер понес ее со скоростью тысячи миль в час, оставив позади желудок Психеи и след из черных лепестков.

Приземлились они посреди дикого луга. Вокруг, купаясь в солнечных лучах, порхали бабочки. Вдалеке виднелся самый красивый дворец из всех, что Психея когда-либо приходилось видеть.

– Спасибо, что воспользовались услугами нашей ветровой компании, – сказал Зефир. – Мы ценим, что при столь богатом выборе направлений ветров вы остановились именно на нас. А теперь тебе стоит поторопиться. Он ждет.

– Кто?..

Но ветер стих. Психея поняла, что бог ветра улетел.

Она боязливо приблизилась к роскошной белой вилле. Особняк окружали скверы и фруктовые сады. Между клумбами журчал прозрачный ручей. Изящные беседки, густо заросшие жимолостью, обещали приятный тенек.

Психея зашла через главный вход в зал, где потолок закрывали панели из кедра и слоновой кости, стены сверкали серебряными геометрическими узорами, а пол искрился мозаикой из драгоценных камней. Мягкие белые диванчики окружали низкий столик, заставленный чашами с ароматными фруктами, еще горячим хлебом и кувшинами с охлажденным лимонадом.

И это была только первая комната.

Психея в крайнем изумлении бродила по дворцу. Она обнаружила несколько атриумов с розовыми садами и фонтанами, спальни с чудесным постельным бельем и мягкими перьевыми подушками, библиотеки, полные свитков, закрытый бассейн с горкой, профессионально оборудованную кухню, площадку для боулинга, домашний кинотеатр с огромными креслами с регулируемой спинкой и аппаратом для приготовления попкорна – здесь было абсолютно все. На фоне этого места ее семейный дворец казался скоплением скучных панельных коробок.

Она распахнула дверцы первого попавшегося шкафа. Внутри блеснули ровные ряды золотых слитков. В другом шкафу выстроились пластиковые контейнеры с этикетками: БРИЛЛИАНТЫ, ИЗУМРУДЫ, РУБИНЫ, ГАЛСТУКИ-БАБОЧКИ, ФЕСКИ, САПФИРЫ. С такими богатствами содержимого одного чулана этого дворца хватило бы, чтобы купить частный остров и личную армию для его защиты.

– Кто здесь живет? – спросила Психея вслух. – Кому все это принадлежит?

Совсем рядом раздался женский голос:

– Вам, госпожа.

Психея подпрыгнула и сбила огромную вазу, которая разбилась, рассыпав по всему полу бриллианты.

– Кто здесь?!

– Прошу прощения, что напугала вас, госпожа, – ответила невидимая женщина. – Я одна из ваших слуг. Я заговорила только потому, что вы задали вопрос. Это ваш дворец. Все здесь принадлежит вам.

– Но... Но я...

– О беспорядке не беспокойтесь, госпожа, – сказала служанка.

Порыв ветра подхватил и унес бриллианты и осколки вазы.

– Мы обеспечим вас всем, чего бы вы ни пожелали, – продолжила служанка. – Я приготовила для вас горячую ванну. После нее, если вы голодны, для вас открыт круглосуточный личный буфет. Желаете музыку – только скажите. Невидимые музыканты знают все ваши любимые песни. С наступлением темноты я провожу вас в вашу спальню, куда прибудет ваш муж.

В горле Психеи резко пересохло.

– Мой муж?

– Да, госпожа.

– Кто мой муж?

– Хозяин этого дома.

– Но кто он, хозяин этого дома?

– Ваш муж, разумеется.

Психея судорожно вздохнула.

– Мы можем продолжать так до бесконечности, я правильно понимаю?

– Если вы пожелаете, госпожа. Я здесь, чтобы служить вам.

Психея решила, что ванна будет очень кстати, ей необходимо было успокоиться.

Полежав какое-то время в горячей воде (к которой прилагались богатый выбор ароматических масел, парящие в воздухе свечи, режим джакузи и расслабляющая музыка), она с помощью невидимых слуг облачилась в самые красивые и удобные одежды из всех, что ей когда-либо приходилось носить.

Пока она наслаждалась вкуснейшим ужином в своей жизни под аккомпанемент невидимых музыкантов, игравших десять мелодий из ее личного топ-листа, солнце скрылось позади цветущих в саду яблонь.

Психея занервничала еще сильнее.

Ее муж должен был прибыть с наступлением темноты.

Оракул предупредила ее родителей: ей судьбой было предназначено выйти за монстра, жестокое чудовище, которого боятся даже боги. Но как могло чудовище жить в таком дворце? Если оно хотело ее смерти, почему она все еще жива?

(Кстати говоря, если вам вся эта история начинает напоминать «Красавицу и Чудовище» – ту сказку про загадочного парня-монстра, жившего в красивом дворце в окружении волшебных слуг, – то не удивляйтесь. «Красавица и Чудовище» основана как раз на мифе о Психее. Только не ждите поющих чайников, их тут точно не будет.)

Наконец наступила ночь. Психея могла отказаться идти в спальню. Могла попытаться сбежать, но она решила, что это лишь отсрочит ее судьбу. После долгих и мучительных часов растерянности и страха она почти с облегчением встретила ночь. И потом, нельзя было не признать, что в ней проснулось любопытство. У нее никогда не было парня, не говоря уже о муже. Что, если... Что, если он окажется не таким уж плохим?

Невидимые слуги проводили Психею в спальню и выдали ей чудную теплую пижаму-комбинезон с принтом «My Little Pegasus», из тех, что с «ножками». Девушка забралась на огромную кровать, такую мягкую, что казалось, будто она парит в воздухе (благодаря полету с Зефиром ей было знакомо это ощущение).

По комнате пронесся ветерок, затушив все свечи и лампы. Оказавшись в полной темноте, Психея услышала, как открылась дверь. Голые ступни прошли по мраморному полу. Нечто тяжелое опустилось на край матраса.

– Здравствуй, – произнес мужской голос.

Он звучал не чудовищно. Скорее напоминал голос ведущего на радио. Мягкий тембр с ироничными нотками, словно он понимал, как глупо выглядит со стороны их первая встреча.

– Прошу прощения за все это представление, – сказал он. – Но лишь так я смог встретиться с тобой без... внимания отдельных персон.

Психее было трудно говорить: сердце билось в горле.

– Кто... кто ты такой?

Мужчина усмехнулся.

– Боюсь, я не могу назвать тебе свое имя. Меня не должно быть здесь. И я определенно не должен на тебе жениться. Поэтому, если ты сможешь звать меня просто «мужем», это было бы здорово... если, конечно, ты согласна выйти за меня.

– У меня есть выбор?

– Слушай... я люблю тебя. Я понимаю, это безумие, ведь мы только познакомились, но я давно за тобой наблюдал. Не как сталкер, нет, – он вздохнул. – Прости. Я все испортил.

Психея не знала, что и думать. Она привыкла, что на нее смотрят. Она терпела это всю свою жизнь.

– Ты думаешь, что любишь меня, потому что я красива?

– Нет, – ответил мужчина. – То есть да. Конечно, ты красива. Но я люблю тебя за то, как ты с этим справляешься. Ты никогда не задирала носа. Ты пыталась убедить людей одуматься. Ты продолжаешь верить в богов. Я восхищаюсь тем, как ты борешься с грустью и одиночеством.

Она не хотела плакать, но глаза защипало. Никто и никогда не говорил ей ничего подобного. Она обрадовалась, что находилась в полной темноте, где внешность не имела никакого значения.

Мужчина коснулся ее пальцев. Психея с удивлением отметила, что его рука казалась теплой, сильной и очень человеческой.

– Я даже не могу предстать перед тобой, – его голос был грустен. – Если ты узнаешь, кто я, нашему браку придет конец. Ты будешь страшно страдать. Все пойдет крахом.

– Почему?

– Я... Мне очень жаль. Тебе придется мне поверить, если, конечно, ты сможешь. Но я обещаю быть тебе хорошим мужем. Что ты ни захочешь, только попроси. Но основные правила не обсуждаются: мы будем встречаться лишь здесь, по ночам, в полной темноте. Каждое утро я буду исчезать до рассвета. Ты никогда не узнаешь моего настоящего имени. Ты никогда не будешь на меня смотреть. Даже не пытайся.

Психея почувствовала, как ускорился пульс, когда она сжала его ладонь.

– Что, если я увижу тебя случайно? При свете полной луны или еще как-нибудь...

– Об этом не беспокойся, – сказал он. – Темнота – лишь дополнительная предосторожность, потому что я сам невидим. В принципе ты можешь увидеть меня, только когда я сплю. Во сне я не могу стать невидимым. Но до тех пор, пока ты не совершишь какую-нибудь глупость, например, встанешь посреди ночи, зажжешь свечу и намеренно на меня посмотришь, у нас все будет хорошо. Психея, я говорю на полном серьезе. Тебе *не* захочется на меня смотреть. Это нас уничтожит.

Нас. Он произнес это как нечто само собой разумеющееся. Словно они уже были парой.

– Я не хочу тебя торопить, – продолжил он. – Мы можем просто поболтать. Я понимаю, вся эта неловкость...

– Поцелуй меня, – сказала она, чувствуя, как трепещет в груди сердце.

Он помедлил.

– Ты уверена?

– У тебя же есть губы? Ты же, не знаю, не какое-нибудь чудовище-птица, или зомби, или еще что-нибудь?

Он тихо рассмеялся.

– Нет. У меня есть губы.

Он поцеловал ее, и внутренности Психеи растаяли и утекли в ножки пижамы с принтом «My Little Pegasus».

Когда он наконец оторвался от нее, ей пришлось приложить усилия, чтобы вспомнить, как говорить.

– Это было... вау. Просто... вау.

– Да, – согласился он. – Так мы...

– Поцелуй меня еще раз, муж.

Она почти почувствовала, что он улыбается.

– Ты босс, – сказал он.

Следующие несколько недель были чудесными. Каждый день Психея наслаждалась жизнью во дворце с его садами, закрытыми бассейнами и площадкой для боулинга. Каждую ночь она не могла дожидаться возвращения мужа. Он был самым добрым, самым смешным, самым потрясающим парнем из всех, что она никогда не видела.

Разумеется, он не был монстром. Она касалась его лица, и это было совершенно обычное человеческое лицо – точнее сказать, красивое. *Очень* красивое. Его руки были гладкими и мускулистыми. Его... Кхм, знаете что? Думаю, этого достаточно. Я и так стараюсь изо всех сил, но не могу я описывать парня с точки зрения девушки. Простите.

Психея была счастлива замужем. И точка.

Была лишь одна проблема: она тосковала по своей семье.

Почему? Хороший вопрос. Ее сестры всегда ужасно себя с ней вели или, в крайнем случае, притворялись, что ее любят. Мама и папа никогда ее не понимали. Они вырядили ее, как на похороны, и позволили спрыгнуть со скалы. Но семейные узы – странная штука. Даже если твои родственники не очень с тобой любезны, они все равно твоя кровь. Нельзя просто взять и отказаться от них. (И поверьте мне, есть у меня несколько родственников по папиной линии, о существовании которых я бы с огромным удовольствием забыл.)

Иногда в тишине сада Психея начинало казаться, будто она слышит, как ее семья зовет ее вдалеке. Один раз это был папин голос. В другой раз мамин. Но чаще всего это были сестры, и звучали они отчаянно, что было совсем на них не похоже.

Из-за этого Психея не могла в полной мере наслаждаться бассейном, или обедом, или невидимым массажем плеч от невидимых работников ее личного спа-салона.

Как-то ночью Психея спросила мужа об этих голосах, потому что она начала опасаться, что сходит с ума.

В темноте он переплел свои пальцы с ее.

– Ты не сходишь с ума, любовь моя. После твоего исчезновения у твоих отца и матери не все так хорошо. Они скорбят. Твое тело так и не обнаружили, поэтому они заставили твоих сестер пообещать, что они продолжают поиски. Каждый день они поднимаются на ту скалу, с которой ты спрыгнула навстречу ветру. Они зовут тебя.

Сердце Психеи обратилось в кусок гранита. Ее так заботила собственная судьба, что она и думать забыла о чувствах своих близких.

– Я должна вернуться домой, – сказала она. – Я должна увидеть родителей.

– Нельзя, – возразил ее муж. – Если ты покинешь эту долину, ты больше никогда не сможешь сюда вернуться.

– Почему? Разве Зефир не может...

– Не все так просто. – Голос мужа был полон боли, и, возможно, к ней примешалась капля страха. – Психея, я пытаюсь тебя защитить. Боги обрекли тебя на смерть. Ну, точнее, одна конкретная богиня...

Психея почти забыла о всех неприятностях из-за своей сногшибательной красоты.

– Ты имеешь в виду Афро...

– Не произноси ее имя! – перебил ее муж. – Любая мелочь может привлечь ее внимание. Если ты объявишься в мире смертных, тебе опять начнут поклоняться. Люди провозгласят

тебя богиней. У нас обоих будут серьезные неприятности. Все, что у нас есть здесь... весь наш маленький мир подвергнется опасности. Пожалуйста, просто дай семье смириться, что ты умерла.

Никогда в жизни Психее не было так плохо. Да, с одной стороны, она была счастлива. Несмотря на странные ограничения их отношений, она быстро полюбила своего супруга. Ей не хотелось его терять. И потом, еда в буфете была превосходной.

С другой стороны, ее родители страдали. Сестры искали ее каждый день, выкрикивая ее имя. Психея не была эгоисткой. Она не хотела поворачиваться спиной к близким. Как она могла наслаждаться счастьем, зная, что другие мучаются?

– А что, если поступить иначе? – спросила она. – Я никуда не уйду. Но пусть сестры придут сюда.

– Психея...

– Я заставлю их поклясться, что они сохранят все в тайне! Они побудут здесь ровно столько, чтобы убедиться, что я жива и здорова. Они расскажут об этом родителям, чтобы те перестали беспокоиться. И все!

– Это очень плохая идея, – сказал ее муж. – Твои сестры всегда тебе завидовали. Если ты приведешь их в наш дом, они отравят твои мысли. Если ты меня любишь, пожалуйста, послушай меня. Это все испортит.

Она поцеловала его ладонь.

– Ты знаешь, что я люблю тебя. Обещаю, я буду осторожна. Но ты сказал, что исполнишь любое мое желание. Мне это нужно.

Муж с неохотой согласился.

На следующее утро Психея отправилась на дикий луг, где она приземлилась, когда пришла сюда. Вдалеке слышались голоса сестер, зовущих ее по имени.

– Зефир, – попросила она, – пожалуйста, принеси их сюда.

Тут же с неба, крича и размахивая руками, свалились ее сестры и рухнули лицами прямо в цветы. Видимо, Зефиру не было до них особого дела, а может, они летели экономклассом.

– Сестры! – воскликнула Психея. – Э-эм, я так рада вас видеть! Позвольте вам помочь!

Наверное, все мы хоть раз попадали в ситуацию, когда нам что-то срочно хотелось сделать: «О боги, это гениальная мысль!» – но стоило этому случиться, и ты такой: «О чем я только думал?»

Стоило Психее увидеть своих сестер, и она почувствовала себя именно так. Ей вдруг вспомнилось, как ужасно они с ней поступали. Она начала жалеть о своем решении пригласить их сюда. Но было уже поздно, можно было лишь постараться свести потери к минимуму.

Психея провела для них экскурсию по дворцу. Она рассказала, как ветер принес ее сюда на встречу с мужем, и извинилась, что не звонила и не писала, но из-за всего этого божественного смертного приговора было крайне важно, чтобы в мире смертных все считали ее мертвой.

Поначалу сестры были слишком шокированы, чтобы отвечать. Но после нескольких часов экскурсии их радость от того, что сестра жива, сменилась тихой яростью из-за ее нового невообразимо прекрасного жилища. Психея показала им площадку для боулинга, закрытый бассейн, буфет, бесконечные спальни, сады и гостиные и домашний кинотеатр с автоматом для приготовления попкорна.

– Что здесь? – старшая сестра открыла какой-то шкаф, и ее едва не погребла под собой лавина из золотых слитков, бриллиантов, рубинов и галстуков-бабочек.

– А, это просто чулан, – флегматично пояснила Психея.

Средняя сестра уставилась на гору сокровищ, которых хватило бы, чтобы купить все царство ее мужа.

– У вас тут еще подобные чуланы есть?

– Э-эм... Я не считала. Несколько дюжин? Но это не важно!

Она отвела сестер в выделенные для них комнаты, чтобы те отдохнули перед ланчем. Невидимые слуги обеспечили их горячими ваннами, массажем, стрижкой и педикюром. Они получили новые платья, в пятьдесят раз прекраснее прежних, и украшения, что стоили дороже всей сокровищницы их отца.

Затем они устроились на веранде с бутербродами с ореховым маслом и джемом, потому что Психея их обожала.

– Кто твой муж? – спросила старшая сестра. – Как он может позволить себе все это?

– О, ну... он торговец. – Психея не любила лгать, но она обещала супругу не вдаваться в детали, тем более не упоминать, что он был невидимым и приходил лишь в полной темноте. Он считал, что это ужаснет сестер, хотя я и не понимаю почему.

– Торговец, – повторила средняя сестра. – Торговец, что управляет ветрами и чьи слуги невидимы.

– Ну, он очень успешен, – проямлила Психея.

– Мы можем с ним встретиться? – спросила старшая сестра.

– Он... уехал по работе. – Психея резко встала. – Что ж, была счастлива вас видеть! Мне очень нужно вернуться к... делам!

Она нагроулила сестер богатыми подарками и проводила их на край долины.

– Но, Психея, – сказала средняя сестра, – позволь хотя бы навестись тебя еще раз. Мы расскажем тебе, как дела дома. И... мы скучаем по тебе. Правда же, сестра?

Старшая сестра кивнула, сжав кулаки.

– О, очень сильно! Пожалуйста, позволь нам увидеться вновь!

– Я не знаю... – пробормотала Психея. – Я обещала мужу...

– Он не станет запрещать тебе встречаться с членами твоей семьи, которые так тебя любят! – засмеялась средняя сестра. – Он же не монстр?

– Э-эм... Ну, нет...

– Отлично! – воскликнула старшая сестра. – Значит, увидимся в то же время на следующей неделе!

Зефир отнес сестер назад, но Психею не покидало ощущение, что это она оказалась в плену торнадо.

Той же ночью она рассказала мужу о визите сестер. Услышав, что они вернутся, он не стал прыгать в восторге по комнате.

– Я предупреждал, что они сыграют на твоих чувствах, – сказал он. – Не зови их вновь. Не дай им разрушить наше счастье. Кроме того, – он прижал ладонь к ее животу, – ты должна думать о ребенке.

Сердце Психеи совершило сальто с переворотом.

– Я... У нас будет...

– Ага.

– Ты уверен?

– Ага.

– Но как?

– Я просто знаю. Прошу тебя, больше никаких семейных визитов. Забудь о своих сестрах.

Психея была бы рада, но теперь, зная, что она ждет ребенка, она должна была по крайней мере сообщить об этом семье... ведь должна? Кроме того, в ее голове продолжал крутиться вопрос сестры: «Он же не монстр?»

– Я... Я все понимаю, – сказала Психея. – Обещаю, я не позволю им испортить наше счастье. Только дай увидеться с ними в последний раз.

Муж отнял ладонь от ее живота.

– Я не буду тебя останавливать.

Голос его был полон сожаления.

В ту ночь Психея впервые за все время пребывания в этом дворце долго не могла заснуть на своей комфортабельной постели.

Тем временем, как только западный ветер доставил сестер Психеи назад на скалу, они тотчас принялись жаловаться друг другу.

– О боги! – взвизгнула средняя сестра. – Ты видела этот особняк?!

– Ты видела эти сады? – вторила ей старшая сестра. – Площадку для боулинга? Туалеты при комнатах? Какого Аида?! Мне пришлось выйти за старого лысого царя с ужасным запахом изо рта, и его дом даже вполтину не так хорош!

– Хватит ныть! – возмутилась средняя сестра. – У моего мужа больная спина и большие проблемы с личной гигиеной. Он отвратителен! И он точно не обеспечил меня драгоценностями и невидимыми слугами. А тот автомат для приготовления попкорна!

– О боги, тот автомат для приготовления попкорна!

Сестры вздохнули. Можно было практически невооруженным глазом различить вокруг их голов зеленую ауру зависти.

– Мы не можем оставить сестру в таком месте, – заявила старшая. – Ее явно заколдовали! Ее муж наверняка монстр!

– Определенно монстр, – согласилась средняя сестра. – Мы должны докопаться до правды, ради ее же блага.

– Ради ее же блага, – подтвердила старшая. – Боги, как же я ее сейчас ненавижу!

– Я так тебя понимаю!

Они вернулись во дворец родителей. Озлобленные донельзя, они вместо того, чтобы сообщить маме и папе правду, сказали, что Психея умерла.

– Мы видели ее труп, – добавила средняя сестра. – От нее мало что осталось, но это точно была она. Жуткое зрелище.

– Жуткое, – эхом отозвалась старшая. – Мы ее похоронили. Страшная гадость.

Эта новость разбила родителям сердца. Не прошло и трех ночей, как царь и царица скончались.

Сестры погоревали, но недолго. Ведь теперь царство достанется им. И потом, родители сами виноваты, позволив этой мелкой наглой Психее так удачно выйти замуж.

М-да... такие вот сестры. Чудесные женщины.

В конце недели они вновь поднялись на скалу, где западный ветер подхватил их и отнес к тайному дворцу Психеи со всем его попкорном и бриллиантами. В этот раз он не бросил их лицами в траву, потому что Психея попросила его этого не делать, но отыгрался, «забыв» провести инструктаж о правилах безопасности полетов.

Обедать они садились с заранее подготовленным планом разговора.

– Итак, – начала старшая сестра, – как поживает твой замечательный муж?

– О, он... прекрасно, – ответила Психея.

Средняя сестра ободряюще улыбнулась.

– Чем, ты сказала, он зарабатывает на жизнь?

Психея моргнула. Она никогда не умела хорошо лгать и теперь не могла вспомнить, что она сказала сестрам в прошлый раз.

– Ну, он пастух...

– Пастух.

– Да, – слабым голосом подтвердила Психея. – Богатый пастух.

Старшая сестра с притворным выражением сострадания на лице наклонилась вперед и взяла ее руки в свои, хотя на самом деле ей ужасно хотелось придушить эту возмутительно красивую девчонку, не заслуживающую выпавшего ей счастья.

– Психея, о чем ты умалчиваешь? На прошлой неделе ты говорила, что твой муж торговец. Теперь он пастух. Мы твои сестры. Позволь нам помочь!

– Но... я в порядке.

Старшие сестры обменялись понимающими взглядами.

– Именно так обычно говорят, когда на самом деле все *не* в порядке, – сказала средняя сестра. – Психея, мы считаем, ты в опасности. Ты же не забыла пророчество Дельфийского оракула? Тебе судьбой предназначено выйти замуж за монстра – чудовище, которого страшатся даже боги. Пророчества всегда исполняются. Папа так из-за него переживал. Он постоянно только об этом и говорил до самой своей смерти.

Психея подавилась лимонадом.

– Погодите. Папа умер?

– Да. От тоски, потому что ты его не навещала. Но сейчас это не важно. Ты должна нам сказать, кто на самом деле твой муж?

Психее почудилось, что ее по самую шею закопали в песок. Отец скончался. Сестры хотели ей помочь. Пророчества никогда не ошибались. Но ласковый голос ее мужа, его доброта...

– Я не знаю, кто он, – призналась Психея. – Мне не позволено его видеть.

– Что? – воскликнула средняя сестра. – Так-так, полегче. Давай-ка сначала и расскажи нам все.

Психея не должна была этого делать, но она поведала им о невидимости своего мужа, о его ночных визитах и его отказе называть свое имя. Рассказала о будущем ребенке, пижамах с принтом «My Little Pegasus» – обо всем.

– Все хуже, чем я думала, – сказала старшая сестра. – Ты ведь понимаешь, что происходит?

– Нет, – ответила Психея.

– Твой муж – дракон! – заявила старшая сестра. – Драконы могут принимать человеческий облик. Они умеют становиться невидимыми и творить другую магию. Готова поспорить, он лишь ждет, когда ты достаточно откормишься, а потом...

– Сестра! – запротестовала Психея. – Это невозможно! И это гадко!

– Но она права, – заметила средняя сестра. – С драконами это происходит постоянно.

– П-правда? – растерялась Психея.

Старшая сестра мрачно кивнула.

– Ты должна защитить себя! Сегодня ночью, когда твой муж заснет, зажги лампаду или еще что-нибудь. Проверь, кто он на самом деле. Надеюсь, я ошибаюсь. Я очень на это надеюсь! Но едва ли. Не забудь положить поблизости нож или бритву. Когда увидишь его чудовищную морду, тебе придется действовать очень быстро. Отрежь ему голову! Затем призови нас в долину, и мы поможем тебе бежать отсюда.

– А сокровища поделим между собой, – сказала средняя сестра.

– Хотя это не имеет никакого значения, – поспешно вставила старшая.

– Совершенно никакого, – подтвердила средняя. – Нам важны лишь твои безопасность и счастье, Психея. Мы заберем тебя домой и найдем тебе достойного смертного мужа, такого, как у нас.

– Да, – согласилась старшая, думая при этом: *«Дряхлого и вонючего старика»*.

– Я... Я не знаю... – колебалась Психея. – Я не могу...

– Просто подумай о наших словах, – настаивала старшая сестра. – И ради всех богов, будь осторожна!

Тщательно настроив Психею на разрушение собственной жизни, сестры, воспользовавшись услугами «Зефир Эйрлайнс», вернулись в мир смертных.

Той ночью Психея подготовилась к самой большой глупости в истории. В одной из ванных комнат она нашла бритву – одну из тех старомодных штук в стиле Суини Тодда, что послужила бы отличным оружием, напади на вас гигантская дикая свинья (хотя я в этом мало что понимаю). Она положила бритву в прикроватную тумбочку рядом с лампадой с оливковым маслом и коробком спичек, или чем они в то время зажигали огонь. Понятия не имею.

Как обычно, ее муж прибыл с наступлением темноты. Свечи и лампы погасли, он зашел в комнату, сел на кровать, и они немного поговорили. *Как прошел день? / О, отлично. Сестры не сказали ничего такого, что бы вызвало у меня паранойю и желание лишить тебя жизни. / Замечательно, рад это слышать. Люблю тебя. Спокойной ночи.* Или что-нибудь вроде того.

Примерно в три часа ночи, убедившись по его ровному дыханию, что муж спит, Психея соскользнула с кровати и, достав из тумбочки бритву и лампаду, зажгла ее. На простыни лег тусклый красноватый свет.

Муж спал на боку, отвернувшись от нее. Вдоль спины лежало перьевое одеяло...

Постойте... Это было не одеяло. Психея изумленно уставилась на огромные белые крылья, вырастающие из лопаток мужа.

Как такое было возможно? Она никогда не чувствовала на его спине крыльев!

Но... если она умудрилась не заметить крылья, что еще укрылось от ее внимания? Вдруг его лицо на самом деле не было красивым – может, даже не было человеческим, – в противоположность тому, что ощущали ее пальцы в темноте?

Твой муж – дракон, – прозвучал в голове шепот сестры. Чудовище, которого страшатся даже боги.

Сердце Психеи забилось о ребра. Медленно она обошла кровать и остановилась перед мужем. Тени скользнули прочь с его спящего лица.

Психея придушенно ахнула.

Ее муж был... невероятно красив.

(И вновь, друзья, я оставляю вам свободу самим додумать детали.)

Он был великолепен! Настолько, что руки Психеи стали ватными. Лампада задрожала. Бритва вдруг показалась ужасно тяжелой.

Психея не понимала, почему ее муж так не хотел, чтобы она его видела. Зачем ему было скрываться?

Затем она заметила еще кое-что – на крючке над его тумбочкой висели лук и колчан, полный стрел.

Крылья... Лук и стрелы... Лицо, слишком прекрасное, чтобы принадлежать смертному... Психея вдруг все поняла.

– Эрос, – прошептала она себе под нос. – Мой муж – это Эрос.

Совет профи: произносить имя бога – не самая лучшая идея, если вы не хотите привлечь его внимание. Произносить имя бога, пока вы стоите над ним с бритвой и лампадой? Определенно не стоит.

Судя по всему, Эрос ощутил ее присутствие совсем рядом с собой. Он что-то пробормотал во сне и перевернулся, испугав Психею. С лампы сорвалась капля горячего масла и упала прямо на голое плечо бога.

– Ай! – Эрос резко сел и распахнул глаза.

Муж и жена уставились друг на друга, застывшие в красном свете лампы. За доли секунды выражение на лице Эроса изменилось: сначала это было сожаление, а затем на нем отразились горечь и боль. Он сдернул с крючка лук и колчан, расправил крылья и оттолкнул Психею в сторону.

– Нет! – Психея выронила бритву и лампаду и прыгнула, в последний момент успев схватить бога за левую лодыжку, прежде чем тот взлетел. – Прощу тебя! Мне так жаль!

Эрос, таща Психею за собой, вылетел в окно. Когда они пролетали над садом, ее руки соскользнули, и она упала. Эрос невольно замешкался. Он опустился на верхушку кипариса и посмотрел вниз, желая убедиться, что с Психеей все в порядке. Не то чтобы это имело какое-то значение. Их отношениям пришел конец.

Съжившись в комок, она лежала на земле, рыдая и зовя супруга по имени, но сердце его не желало отзываться. Та единственная капля масла вызвала такой сильный ожог, что из-за боли он едва мог соображать.

– Глупая Психея, – сказал он с вершины дерева. – Я предупреждал тебя. Клянусь всеми богами, я тебя предупреждал!

– Эрос! Пожалуйста, я не знала! Прости меня!

– Простить?! – закричал он. – Ради тебя я пошел против своей матери! Я рискнул всем! Афродита приказала влюбить тебя в самого ужасного человека на свете, какого я только смогу найти. Вместо этого я полюбил тебя. Я создал эту долину – дворец, слуг, все, – чтобы спрятать тебя от взора матери. Мы могли спокойно жить здесь. Но как только ты увидела меня, как только произнесла мое имя, чары разрушились! Смотри!

Дворец позади них обрушился кучей пыли. Сады засохли. Долина превратилась в голую пустыню, мертвую и серую в лунном свете.

– Ты послушалась своих сестер, – продолжал Эрос. – Они этого хотели. Хотели видеть твое горе. Я предупреждал тебя, но ты решила верить им, а не мне. Теперь моя мать все узнает. Это только вопрос времени. Правда откроется. Никто не избежит ее гнева. Беги, пока можешь, Психея. Она не остановится, пока не покончит с тобой. Ты опозорила ее. А теперь ты опозорила меня.

– Я люблю тебя! – рыдала Психея. – Прощу тебя, мы можем все исправить! Мы можем...

Эрос расправил крылья и скрылся в ночи, оставив Психею с разбитым сердцем, беременную и одинокую.

Вдохновляющая история, не так ли? Чувствуете себя на коне?

Но погодите, потом стало еще хуже.

После того как Эрос улетел, Психея побрела куда глаза глядят. Выйдя на берег реки на краю долины, она решила броситься в воду и утонуть.

Дорогие дети, прыжки в реки и утопление – это *не* решение проблем. Особенно если конкретная река в глубину всего пару футов. Психея просто плюхнулась пятой точкой на дно и осталась там сидеть, плача и выглядя глупо.

Так вышло, что Пан, бог-сатир дикой природы, спал неподалеку, отдыхая после трехдневного загула. Весь этот плеск и хныканье его разбудили. Нетвердой походкой он вышел к реке, увидел барахтающуюся в ней красавицу и решил, что у него галлюцинации.

– Эй, красавица. *Ик!* – Пан оперся о дерево, чтобы не упасть. – Ты какая-то – *ик!* – грустная. Дай угадаю. Не подсказывай. Дела сердечные, да?

Психея была так расстроена, что не обратила особого внимания на то, что с ней заговорил пьяный получеловек-полукозел. Она горестно кивнула.

– Ну, ты это, не топись только! – сказал бог-сатир. – Это тебе ничем не поможет. Знаешь, что тебе стоит сделать? Помолись Эросу, богу любви! Он единственный, кто может тебе помочь!

Психея зарыдала с новой силой.

Пан попятился.

– Ну... рад был поболтать. Я пока... пойду туда.

И он поспешил удалиться. Ему хватало головной боли и без всех этих криков и стонов.

Наступил рассвет, и Психея понемногу успокоилась. Горе не отпускало, но оно медленно превращалось в решимость.

– Может, этот получеловек-полукозел был прав, – сказала она. – Лишь Эрос может мне помочь. Я должна найти его и заставить себя простить. Я не приму «нет» за ответ. Но сначала...

В ее глазах появился металлический блеск. Может быть, хорошо, что рядом никого не было, иначе они бы точно позвонили в полицию.

– Сначала мне следует отблагодарить сестер за их *помощь*.

Оказалось, что у Психеи были садистские наклонности. Сестры разрушили ее брак, и это стало последней каплей.

Многие дни она брела по сельским дорогам, пока наконец не вышла к городу-царству, которым правил муж ее старшей сестры. Поначалу стражники хотели прогнать Психею, потому что она выглядела как бездомная, но затем с опозданием поняли, кто перед ними (узнали ее по фотке из недавней статьи «5 новых красоток-богинь, достойных поклонения!»). Они пустили ее во дворец увидеться с сестрой.

– О, дорогая, только посмотри на себя! – воскликнула та, скрывая восторг. – Моя бедная Психея, что случилось?

– Это долгая история, – ответила Психея, смахивая слезу. – Я последовала вашему совету, но все обернулось не так, как я ожидала.

– Твой муж? Он... он все-таки монстр? Он мертв?

– Ни то, ни другое, – вздохнула Психея. – Я увидела его истинный облик. Ты не поверишь, но мой супруг – это бог Эрос.

Она в красках описала его потрясающую внешность, не скрывая, как больно ей было о нем говорить. Она рассказала сестре всю правду о случившемся... за исключением последней части.

– Прежде чем он улетел, – завершила свою историю Психея, – Эрос сказал, что бросает меня и собирается жениться на моей сестре. Он назвал твое имя.

Глаза старшей сестры стали размером с драхмы. Если у нее были какие-то сомнения насчет рассказа Психеи, теперь она верила каждому ее слову. Все логично! У кого еще, кроме бога любви, могли быть такой невероятный и роскошный особняк, невидимые слуги, домашний кинотеатр и горки в бассейне? И Эрос назвал ее имя! У него определенно был вкус. Он просек, что кроме ее дурацкой красоты Психея ничего собой не представляла. Наконец-то старшая сестра получит то, что она всегда заслуживала!

– О Психея! – воскликнула она. – Мне так жаль. Ты не против, если я оставлю тебя на секунду?

Старшая сестра выбежала из комнаты. Она задержалась в кабинете мужа ровно настолько, чтобы крикнуть ему в лицо: «Я с тобой развожусь!» – после чего запрыгнула на самую скорую лошадь в конюшне и покинула царство.

Ни разу не остановившись, она доскакала до той скалы, откуда ее впервые забрал Зефир. Поднявшись на вершину, она закричала:

– Я здесь, Эрос! Бери меня, моя любовь!

И спрыгнула, разбившись насмерть.

Боюсь представить, как же хохотал Зефир. Нельзя взойти на борт, пока не объявили ваш рейс. Это все знают.

Тем временем Психея продолжила свой путь. Она нашла царство, где жила средняя сестра, и рассказала ей ту же самую историю.

– Но знаешь, что самое странное? – сказала под конец Психея. – Эрос заявил, что теперь женится на моей сестре. И назвал твое имя.

Вспыхнув страстью, средняя сестра выбежала из дворца, приказала приготовить ей лошадь, помчалась к скале и с искренней верой в сердце прыгнула навстречу смерти.

Психея поступила жестоко? Наверное. Но если кто и заслуживал путешествия в один конец с пятисотфутовой скалы, то это те две леди.

Разобравшись с сестрами, Психея отправилась в долгий путь по Греции, переходя из одного города в другой, полная решимости найти Эроса. Она заходила в его храмы и проверяла небольшие святилища у дорог. Спрашивала в фитнес-центрах, ночных клубах и на собраниях изучающих Библию – в общем, везде, где мог зависать бог любви. Но безуспешно.

Все потому, что у Эроса были свои проблемы.

Когда он оставил Психею, он думал лишь о том, чтобы убраться подальше от всего, что напоминало о неудачном браке: может, найти какую-нибудь пещеру, где он сможет затаиться на ближайшие пару столетий, пока гнев Афродиты не сойдет на нет. Но боль в плече быстро стала невыносимой.

Одна капля горячего масла не должна вызывать такую муку. Она разъедала его божественную сущность. Эта боль была самой страшной из всех, что он когда-либо испытывал... разве что за исключением той боли, что пронзила его сердце, когда он впервые увидел Психею.

Словно эти два события связаны, подумал Эрос. Словно это такая *метафора*!

(Я упомянул это, чтобы вашим учителям по литературе не пришлось ломать голову над темой сочинения. Простите. Я ведь упоминал, что продался за пиццу и драже?)

В общем, Эрос так ослаб, что не смог далеко улететь. Он добрался до одного из ближайших домов Афродиты, виллы на побережье Адриатического моря, ввалился в свою спальню и потерял сознание, стоило ему рухнуть на кровать.

Вы сейчас думаете, *он хотел скрыться от матери, поэтому отправился к ней домой? Очень умно.*

Но, думаю, он прилетел туда на автопилоте. Или все его мысли были о мягкой постельке, как бывает, когда болеешь. Или решил, что чем раньше он встретится с мамой, тем быстрее все это закончится.

Как бы то ни было, к тому моменту уже успел поползти слух, что какая-то смертная умудрилась разбить сердце Эросу. Скорее всего, духи ветра в подчинении Зефира не смогли удержать рты на замке, ведь у них вечно ветер в голове.

Афродита отдыхала на посвященном ей острове Китира, когда узнала, что ее сын стал вселенским посмешищем. Она бросилась на его поиски – частично потому, что волновалась за него, но по большей части потому, что это плохо сказывалось на ее имидже.

Оказавшись в своем Адриатическом дворце, она ворвалась в комнату Эроса.

– Кто она?

– Мам, – застонал он из-под одеяла, – ты хоть когда-нибудь стучишь?

– Кто эта недостойная, что разбила тебе сердце? – не отставала она. – Меня так сильно не позорили смертные с того случая с Психеей несколько месяцев назад!

– Ну, вообще-то, насчет этого...

Эрос рассказал ей правду.

Афродита взметнулась к потолку. Буквально. В розовых клубах от взрыва она пробила крышу, обеспечив Эроса естественным светом, о котором он так давно мечтал.

– Ты неблагоприятный мальчишка! – орала она. – От тебя всегда были одни неприятности! Ты никогда меня не слушался! Тебе лишь бы поиграть с чужими чувствами, даже с моими! Я отрекись от тебя. Я заберу твоё бессмертие, твои лук и стрелы, и отдам их кому-нибудь из моих слуг. Любой смертный сделает твою работу лучше тебя! Это не так сложно! Ты никогда не относился к этому серьезно. Ты никогда не следовал указаниям. Ты...

И так далее, и в таком духе в течение шести часов без перерыва.

Наконец она заметила, что лицо Эроса стало бледным и блестело от пота, чего обычно с бессмертными не бывает. Он дрожал и кутался в одеяло. Взгляд блуждал.

– Что с тобой? – Афродита подошла к краю кровати, откинула одеяло и увидела гноящуюся воспаленную рану на плече. – О нет! Мой бедный мальчик!

Забавно, как мамы умеют переключаться. Только что она хотела тебя придушить, затем – бум! – маленькая угроза жизни, и она уже воркует над своим малышом.

Она принесла ему холодный платок на лоб, спирт для протираний, эластичный бинт и куриный суп, приправленный амброзией. Также она позвала Аполлона, бога врачевания, которого вид раны привел в ступор.

– Обычно капля горячего масла подобного не вызывает, – заметил он.

– Спасибо, Капитан Очевидность, – проворчала Афродита.

– Всегда пожалуйста! – ответил Аполлон. – А теперь я должен вернуться к своим фанатам... В смысле, на свой концерт на Олимпе.

Ничто не помогало заживлению раны, даже волшебный крем для лица Афродиты, который на раз убирает все недостатки кожи.

Афродита устроила Эроса как можно удобнее, после чего переключила внимание на недостаток, который она *могла* убрать, – на эту смертную Психею, из-за которой все и случилось.

Она уже собралась покинуть дворец, когда услышала, как скрипнула дверь. В гости с цветами, шариками и открытками с пожеланиями скорейшего выздоровления заглянули богини Деметра и Гера.

– О, Афродита! – сказала Гера. – Мы слышали об Эросе.

– Даже не сомневалась, – пробормотала Афродита. Она представила, как, должно быть, были счастливы все остальные богини, узнав об очередном скандале в ее семье.

– Нам так жаль, – подхватила Деметра. – Мы можем что-нибудь сделать?

В голове Афродиты промелькнуло несколько крепких фраз, но она оставила их при себе.

– Нет, спасибо, – с трудом ответила она. – Я собираюсь найти эту смертную Психею и уничтожить ее.

– Ты злишься, – заметила Гера, проявив свойственные ей чудеса проницательности. – Но тебе не приходило на ум, что, возможно, эта девушка подходит Эросу?

Афродита какое-то время не шевелилась.

– Прошу прощения?

– Ну, Эрос взрослый парень, – продолжила Гера. – Правильная женщина могла бы помочь ему остепениться.

Деметра кивнула.

– Возможно, семейное счастье исцелит его рану на плече. Аполлон сказал нам, что Эросу не помогло никакое божественное лечение.

Глаза Афродиты вспыхнули от ярости.

Богини понимали, чем рискуют, но почему же они предпочли высказать свое мнение, пусть даже это означало попасть в черный список Афродиты? Потому что Эроса они боялись сильнее. Для них это был шанс перетянуть его на сторону добра.

Эрос был себе на уме. Он был опасен. Он мог подстрелить тебя своей стрелой и испортить тебе всю жизнь, влюбив тебя в какого-нибудь страшного смертного, или в пару джинсов клеш, или еще во что-нибудь. Помните пророчество, что Психея выйдет замуж за монстра? Это определение отлично подходило Эросу. Все его боялись, даже боги.

Афродита злобно посмотрела на Деметру и Геру.

– Я уничтожу Психею. Никто не встанет у меня на пути. Никто. Вам понятно?

И она вынеслась из дворца бешеным вихрем и начала поиски.

К счастью для Психеи, из Афродиты вышел бы тот еще следопыт.

Ладно, если бы она искала щетку для волос или любимую пару туфель. Но найти смертную в мире, полном смертных? Это было сложно. И скучно.

Она прочесала все города Греции, облетев их на своей золотой колеснице, запряженной гигантскими голубями. (Что я считаю жутковатым. Что здесь романтичного – кататься на огромных белых птицах размером с фордовский пикап? А как эти пернатые твари должны гадить... Ладно, остановимся на этом.)

Афродита постоянно отвлекалась на распродажи в торговых центрах, или на симпатичных парней, или на сверкающие драгоценности, или на платья, что смертные девушки носили в этом сезоне.

Тем временем Психея продолжала свои утомительные поиски, ища супруга в самых отдаленных его храмах, святилищах и фитнес-центрах.

К этому моменту ее живот успел заметно вырасти. Одежда превратилась в грязные лохмотья. Обувь разваливалась. Ее мучили постоянные голод и жажда, но она не сдавалась.

Однажды она брела по горам северной Греции, когда заметила руины какого-то старого храма. Эй, подумала она, вдруг это храм Эроса!

Спотыкаясь и оскальзываясь, она взобралась по крутому склону к заброшенной постройке. Печально, но это оказался не храм Эроса. Судя по очертаниям пшеничных колосьев на алтаре и количеству грязи на полу, этот храм был посвящен Деметре и никто не пользовался им несколько десятилетий.

Как храм богини зерновых оказался посреди голой горы непонятно где? Я не знаю, но Психея обвела взглядом пыльный алтарь, обломки статуй на полу, граффити на стенах и подумала: «Я не могу оставить все как есть. Это неправильно».

Несмотря на все свои проблемы, Психея все еще уважала богов. Она нашла все необходимое в чуланчике уборщика и неделю отдраивала старый храм. Смыла граффити, отполировала алтарь, починила статуи с помощью благоразумно припасенного скотча.

Как только она закончила, позади нее раздался голос:

– Хорошая работа.

Психея повернулась. У алтаря стояла богиня Деметра в зеленых и коричневых одеждах, с короной из колосьев на голове и золотой косой в руке. Психея тут же упала на колени, и это была весьма удачная идея при встрече богини с косой.

– О великая Деметра! – вскричала она. – Возможно, ты мне pomoжешь. Я должна отыскать своего мужа, Эроса!

Деметра поморщилась.

– Да... насчет этого. Афродита жаждет твоей крови, подруга. Она не успокоится, пока не покончит с тобой, и я не посмею перейти ей дорогу. Если честно, я бы с радостью тебе помогла. Если у меня появится шанс что-то для тебя сделать, ну, сама понимаешь, анонимно, я это сделаю. Но тебе придется искать Эроса самой.

Кто-то мог бы разозлиться, но Психея лишь склонила голову.

– Я понимаю. Я продолжу поиски.

Где-то в глубине души она знала, что должна сама решить свою проблему. Это она все испортила, и никакая богиня не исправит ситуацию за нее. Психея не ожидала награды за уборку храма Деметры. Она это сделала, потому что так было правильно.

Знаю. Странный образ мыслей, согласитесь? Но эта девушка отличалась таким вот своеобразным героизмом.

Богиня исчезла, а Психея продолжила путь. Несколько дней спустя она шла через лес, когда увидела на поляне заброшенный храм. По едва читаемым надписям и заросшим плющом статуям Психея догадалась, что когда-то он был посвящен Гере.

«Я не могу это так оставить», – подумала Психея. (Я бы на ее месте пририсовал всем статуям очки и усы и бросился наутек. Но у нас с Герой особые отношения.)

Психея прибрала алтарь, оборвала плющ со статуй и сделала все возможное, чтобы храм вновь выглядел пристойно.

Когда она закончила, перед ней появилась Гера в сияющем белом платье и с накидкой из перьев павлина. В руке она держала жезл, венчаемый цветком лотоса.

– Хорошая работа, Психея. Ты даже углы подмела. Сейчас этого уже никто не делает.

Психея упала на колени.

– Царица Гера! Я не жду награды, но я совершенно одна, беременна, и меня преследует Афродита. Ты не могла бы защитить меня, хотя бы недолго, пока не родится мое дитя? Ты ведь богиня всех матерей.

Гера поморщилась.

– М-да. Прости, дитя мое, но никак. Афродита буквально обезумела от желания тебя убить. Если ей удастся хоть немного отвлечься от распродаж, она тут же тебя четвергует. Возможно, когда-нибудь мне выпадет шанс в чем-то тебе помочь, тайно, но сейчас я не могу тебя защитить. Есть лишь одно решение твоей проблемы. И думаю, ты знаешь какое.

Психея поднялась на ноги. Она так устала, что едва могла думать, но она понимала, к чему клонит Гера.

– Мне нужно встретиться с Афродитой, – сказала она. – Как женщина с женщиной.

– Правильно. Удачи с этим, – и Гера исчезла.

Психея продолжила свое путешествие, но теперь ее цель изменилась. Она искала дворец Афродиты.

Наконец она наткнулась на него: огромную белую виллу на берегу Адриатического моря, с чудесным видом и окружающими особняк прекрасными садами. Это место заставило Психею с болью вспомнить дворец, где она жила с супругом.

Она постучала в большие двери из полированной бронзы.

Когда слуга открыл и увидел, кто перед ним, у него отвалилась челюсть.

– Ты пришла сюда намеренно? – спросил он. – Ладно. Я отведу тебя к госпоже. Только дай мне перед этим надеть свой футбольный шлем, на случай, если она начнет швыряться вещами – мебелью там, или мной, или тобой.

Слуга привел Психею в тронный зал, где богиня отдыхала после очередного скучного раунда поисков Психеи. Когда Афродита увидела, кто входит в зал, ее накрыло неопишемое раздражение – так бывает, когда вы целое утро ищете очки, чтобы в итоге обнаружить их у себя на голове. (Я не ношу очки, но они есть у моего друга Джейсона. Ужасно забавно наблюдать за ним, когда он так их теряет.)

– ТЫ!

Афродита бросилась на Психею и принялась пинать бедняжку, дергать ее за волосы, царапать ногтями. Богиня наверняка бы убила ее, но, обнаружив, что Психея беременна, не посмела.

Психея не сопротивлялась. Она сжалась в комок и молча ждала, когда ярость Афродиты уляжется.

Лишь когда богиня остановилась, чтобы изучить свои ногти – потому что разрывание смертного на кусочки плохо сказывается на маникюре, – Психея заговорила.

– Матушка, я пришла, чтобы принять наказание за недоверие своему супругу – что бы ты ни посчитала подходящим. Я сделаю все, чтобы доказать свою любовь и заслужить его прощение.

– Прощение? – закричала богиня. – Я не признаю ваш брак. И я совершенно точно не признаю тебя своей невесткой! Но наказание тебе я организую. Стража! Уведите эту смертную в подземелье! У меня же есть подземелье? Избейте ее хлыстами, пытайте ее, а затем приведите ко мне. Тогда мы и посмотрим, захочу ли я тебя простить.

Стража выполнила приказ. Жуткое было зрелище. Они не убили Психею, но, когда они притащили ее назад в тронный зал, ее едва можно было узнать, так сильно она была избита. Такой уж гостеприимной хозяйкой была Афродита.

– Ну что, девчонка? – спросила богиня. – Ты все еще желаешь проявить себя?
Поразительно, но Психея сумела встать на ноги.

– Да, матушка. Я готова на все.

Афродита невольно ощутила капельку уважения. Она решила предложить Психее серию испытаний – разумеется, невыполнимых, чтобы она провалилась и умерла, но никто бы не смог упрекнуть богиню, что та не дала ей шанса.

(За исключением меня, чем я не премину воспользоваться прямо сейчас: Афродита не дала ей ни единого шанса.)

– Я проверю, насколько ты заслуживаешь прощения и любви моего сына, – объявила богиня. – Ты так уродлива, что тебя могут захотеть взять в жены, только если ты хорошая хозяйка. Посмотрим, как ты управляешься с запасами.

Необоснованный наезд? О да. В духе Афродиты? Определенно.

Она притащила Психею на свою божественную кухню и приказала слугам рассыпать все мешки с зерновыми из кладовой – ячмень, пшеница, овес, рис, органическая киноа и так далее. Вскоре вся кухня превратилась в зерновые барханы.

– Рассортируй все это по мешкам к обеду, – приказала Афродита. – Если у тебя не получится, я тебя убью. Или ты можешь прямо сейчас признать поражение, и я проявлю снисходительность. Я отправлю тебя в изгнание. Ты НИКОГДА больше не увидишь моего сына, во всяком случае в течение этой своей жалкой жизни.

– Я принимаю вызов, – ответила Психея, хотя, глядя на эту гору зерна, она совершенно не представляла, как с ним справиться.

Афродита фыркнула на прощание и отправилась поправлять маникюр.

Психея приступила к сортировке. Прошла всего пара минут – киноа, ячмень, пыльный плюшевый кролик, овес, – когда из угла кухни к ней подбежал муравей.

– Как жизнь? – спросил муравей.

Психея уставилась на него.

– Ты можешь говорить?

– Ага. Меня прислала Деметра. Кажется, тебе нужна помощь?

Психея сомневалась, что один муравей сможет ей хоть в чем-то помочь, но все равно ответила:

– Э-эм, да. Спасибо.

– Ладушки. Если кто спросит, нас здесь не было.

– Нас?

Муравей громко свистнул:

– Давайте, парни, у нас расписание!

Из-под плинтусов хлынули миллионы и миллионы муравьев и приступили к сортировке зерен по мешкам. Уже через час на кухне не осталось ни соринки, и вся кладовая была приведена в порядок. Муравьи даже приготовили дополнительный мешок и не забыли подписать его «Пыльные плюшевые кролики и другие находки».

– Большое вам спасибо! – от всей души поблагодарила их Психея.

– Тсс! – шикнул муравей. – Ты нас не видела.

– Кого не видела?

– Умная девочка, – сказал муравей.

Вся колония потянулась к плинтусам и быстро скрылась из виду.

Когда Афродита вернулась, от изумления не могла вымолвить ни слова. Но растерянность быстро сменилась яростью.

– Я не дура, девчонка! Ты никак не могла сделать это сама. Кто-то из богинь тебе помогал, не так ли? Кто-то хочет видеть мой позор! Кто это был?

– Э-эм...

– Это не важно! – закричала Афродита. – Ты жульничала, поэтому это задание не считается. Ты заслужила ночь отдыха на кухонном полу и корку хлеба на ужин. Утром мы определимся с более сложным испытанием!

Психея заснула на полу. Она и подумать не могла, что в этом самом особняке, всего в нескольких комнатах от нее, Эрос извивался в агонии из-за ноющего плеча и (ВНИМАНИЕ! МЕТАФОРА!) ноющего сердца. Афродита не сообщила ему о визите Психеи, но Эрос чувствовал, что она близко, и это усугубляло его страдания.

Утром после еще одной питательной корки хлеба на завтрак Психея получила второе задание.

– Мне нужна шерсть, – заявила Афродита. – Любая жена обязана уметь вышивать и кроить одежду, а для этого нужны хорошие материалы. На западном краю долины, у реки, ты найдешь стадо овец. Добудь мне их шерсть. Вернись до темноты, иначе я убью тебя! Но ты можешь признать поражение прямо сейчас, и тогда...

– Я в курсе. – Все кости в теле Психеи ломило, ее зрение туманилось из-за голода, но она поклонилась богине. – Я достану шерсть.

Афродита забыла упомянуть несколько деталей касательно тех овец. (Видимо, они просто выпали у нее из головы.) Например, что их шерсть была из чистого золота. Плюс у овец были острые рога и ядовитые клыки, а их стальные копыта разили не хуже тарана. (Уловили? Баран-таран?)

Психея какое-то время стояла под лучами утреннего солнца и наблюдала, как вдалеке овцы топчут и рвут в клочья всех животных, имевших глупость подойти к ним, – ежей, зайцев, оленей, небольших слонов. Мирный пейзаж подчеркивали кости и человеческие черепа. Психея поняла: даже приблизиться к стаду было невозможно.

– Что ж... – она покосилась на реку. – Интересно, здесь хотя бы достаточно глубоко, чтобы утопиться?

– О, не делай этого, – предостерег ее голос. Кажется, он доносился из тростниковых зарослей на берегу реки.

– Кто ты? – спросила Психея. – Выйди из зарослей!

– Я не могу, – ответил тростник. – Я и есть заросли.

– О, – сказала Психея. – Ты собираешься отговорить меня топить?

– Это не решение проблемы, – ответил тростник. – Но на самом деле я хочу дать тебе пару советов, как собрать шерсть, потому что меня попросила об этом Гера.

Психея расслабилась. Беседа с тростником насчет сбора шерсти была самой меньшей из всех странностей, что случились с ней в последнее время.

– Спасибо. Я слушаю.

– Как ты можешь догадаться, если ты подойдешь к овцам сейчас, они разорвут тебя на куски. Но после полудня, когда станет особенно жарко, их разморит, и они заснут в тени тех больших платанов слева. Видишь?

– Ты про те платаны, что выглядят как обычные платаны?

– Они самые. Выжди момент и прокрадись к колючим кустам в противоположной части луга. Видишь?

– Ты про те кусты, о которых я не могу сказать, колючие они или нет, потому что до них слишком далеко?

– Ты быстро схватываешь. Потряси их, и твои проблемы будут решены.

– Со всем уважением, о Мудрейшая Трава Топей, но как трясение ветками может решить мои проблемы?

Тростник ничего не ответил. Он вернулся в состояние обычной, не дающей советы травы.

Психея подумала, что стоит попробовать. Если Гера пыталась ей помочь, было бы грубостью отказываться. Оно подождала полудня. Вскоре золотые овцы-убийцы собрались на дневной сон в тени платанов.

Психея прокралась на противоположную часть луга и трянула ближайший колючий куст. С его веток посыпались клочки золотой шерсти. Видимо, овцы использовали эти кусты в качестве чесалок. Психея, действуя как можно тише, отряхивала ветки от золотой шерсти, пока не набрала столько, что едва смогла бы это унести. После чего поспешила назад во дворец Афродиты.

Богиня любви как раз вкушала свой обычный обед: три кусочка сельдерея и протеиновый коктейль со вкусом капучино (что могло бы объяснить, почему она всегда была в плохом настроении). Она взглянула на золотую шерсть и растерялась, не зная, то ли злиться, то ли изумляться. В итоге она решила вести себя холодно и безразлично, как и всегда по отношению к другой женщине.

– Маловато шерсти, – заметила богиня. – И потом, я сомневаюсь, чтобы тебе хватило ума собрать ее без помощи какого-нибудь бога. Кого на этот раз?

– Ну, там был тростник...

– Это не важно! – воскликнула Афродита. – Подлое создание. Уже один разговор с тобой вызывает у меня желание принять душ.

Она взяла кувшин и вылила из него содержимое.

– Хорошая жена всегда обеспечит мужа свежей водой для его ванны. Твое третье задание: в миле к северу отсюда есть высокая гора с водопадом. Он берет начало из священного источника – одного из надземных ответвлений реки Стикс, что течет в Царстве Мертвых. Наполни этот кувшин водой из источника. Не из водопада внизу! Я узнаю, если ты попытаешься меня обмануть. Принеси воду, пока она еще будет ледяной. Иначе...

– Ты меня убьешь, – устало вздохнула Психея. – И нет, я не собираюсь сдаваться. Я все еще люблю твоего сына. Я сделаю все, чтобы заслужить его прощение. Скоро ты получишь свою воду из Стикса.

Обе женщины не имели ни малейшего понятия, что Эрос их подслушивал. Лежа в своей комнате в конце коридора, он услышал доносящиеся из столовой голоса. Каким-то образом он понял, что один из них принадлежит его возлюбленной Психее. Несмотря на мучительную боль в плече, он заставил себя подняться, проковылял по коридору и заглянул в щелку между дверями, желая узнать, что происходит. Увидев Психею, он немедленно воспрянул духом. Рана на плече уже не так болела. Это раздосадовало Эроса, но он не мог ничего с этим поделать. Он все еще любил Психею.

Услышав задание матери про водопад, он ужаснулся. Это было невозможно! Афродита могла быть такой... ну, в общем, здесь должна быть куча слов, которыми сын ни в коем случае не должен обзывать свою мать.

Еще Эроса восхитила решимость Психеи вернуть его любовь.

Он хотел ворваться в столовую и потребовать у матери прекратить этот конкурс на звание «Железной жены», но не смог, потому что: 1) он все еще был так слаб, что рухнул бы лицом в пол и потерял сознание, 2) выглядел он ужасно и не хотел, чтобы Психея его таким видела.

(Психея сама выглядела, мягко говоря, не очень, но Эрос этого не замечал. Удивительная штука любовь. Однажды я застал свою подружку с милейшей прической а-ля «я упала с сеновала», и... Простите. Я отвлекся.)

Эрос, спотыкаясь, вернулся к себе в спальню, подошел к окну и воззвал к небесам:

– Владыка Зевс, ты слышишь меня? Я неоднократно тебе помогал все эти столетия. Теперь помоги же мне!

Тем временем Психея добралась до подножия горы. Скользнув взглядом по голому вертикальному обрыву, она поняла, что ее любимая свекровь в очередной раз дала ей невыполнимое для смертного задание. Ура!

С вершины отвесной скалы, примерно в полумиле от земли, вырывался водяной поток, бурлящий и гремящий почти человеческим голосом: *ПОВЕРНИ НАЗАД! ДАЖЕ НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ! ТЫ И ПРЕДСТАВИТЬ НЕ МОЖЕШЬ, КАК ХОЛОДНА ЭТА ВОДА!*

Афродита не обманула, здесь на поверхность земли выходила река Стикс, смертельно опасная для простых людей. Уже одно пребывание рядом с ней наполняло Психею отчаянием. Возможно, ей удалось бы собраться с духом и наполнить кувшин водой у подножия водопада... но взобраться на вершину? Ни за что.

Афродита просила именно воду с вершины, и Психея не собиралась жульничать. Не потому, что боялась, что ее разоблачат, но потому, что это было не в ее натуре. (Опять-таки, знаю-знаю, странный образ мыслей. Но такие уж они, эти герои. Чудаки, что с них взять.)

Пока она стояла и смотрела на водопад, к ней из облаков устремилась огромная птица. Психея узнала в ней золотого орла – священное животное Зевса.

Орел опустился на камень рядом.

– Как жизнь? – спросил он.

– Э-эм, привет, – отозвалась Психея. – Ты от Зевса? Потому что я не помню, чтобы прибиралась в его храмах в последнее время.

– Расслабься, – сказал орел. – У тебя есть могущественный друг, который дернул за нужные ниточки и уговорил нашу большую шишку тебе помочь. Я уважаю силу твоего духа, но без крыльев тебе ни за что не добыть воду самой. Дай мне кувшин.

Орел подхватил его и унесся на вершину водопада. Там он наполнил кувшин стопроцентно натуральной водой из Стикса – прямо из источника! – и полетел назад к Психее.

– Держи, – сказал орел. – Я бы подбросил тебя к дворцу, но лучше, чтобы Афродита меня не видела. Бывай.

Орел улетел.

Когда Психея вернулась к обеденному столу богини любви с кувшином ультраледяной свежей мертвой воды, та впала в оцепенение.

– Не может быть, – отмерла Афродита. Она омыла руки в воде, на что способны лишь боги, если, конечно, вы не желаете ощутить страшные муки. (Поверьте, я знаю, о чем говорю.) Афродите очень хотелось обнаружить какой-нибудь недостаток, но тщетно. Она чувствовала, вода была из источника наверху горы, как она и просила.

– В чем фокус? – прищурилась богиня. – Как ты смогла пройти все мои тесты, Психея?

– О... ну, знаете. Настойчивость. Добродетельная жизнь. Можно мне уже назад своего мужа?

Психея решила, что трех проверок достаточно. И я ее понимаю, ведь это стандартная процедура, согласитесь? *Выполни три задания. Ответь на три вопроса. Победи трех горгон. Съешь трех поросят.* Все важное идет по три.

Но Афродита об этом не знала. Или просто хотела осложнить эту историю дополнительной главой для всех полубогов, которым захочется в будущем ее пересказать. (Спасибо, дамочка.)

– Четвертое задание! – взвизгнула она.

– Что? – возмутилась Психея. – Да ладно!

– Выполни мою последнюю просьбу, – сказала богиня, – и ты докажешь, что достойна быть женой моему сыну. Но если ты хочешь сдать...

– Как ты меня достала, – пробормотала Психея.

– Что ты сказала?

– Я сказала, надо спешить, раз солнце давно встало, – повысила голос Психея. – Что за задание?

– Очевидно, что важнейшим качеством жены является красота, – заявила Афродита в своей идиотской манере. – Я была так занята, ухаживая за своим раненым сыном...

– Эрос? – оборвала ее Психея, ведь она понятия не имела, что он во дворце. – Он ранен? Он в беде?

Богиня вскинула бровь.

– Из-за тебя. Та капля масла, что ты пролила на его плечо, разъедает его тело, прямо как твое предательство! Это почти лимерик!

Психея моргнула.

– Думаю, ты имела в виду метафору.

– Не важно.

– Я должна его увидеть! – настаивала Психея. – Я должна ему помочь!

– О, то есть сейчас ты хочешь ему помочь. Я его мать и у меня все под контролем, благодарю покорно. Как я говорила, важнейшее качество любой женщины – это красота. Я была так занята, ухаживая за сыном, что у меня закончился мой знаменитый волшебный крем для лица. Я весь его израсходовала, и мне нужен новый.

– погоди... ты пыталась вылечить Эроса кремом для лица?

– Кхм! – Афродита закатила глаза. – Как бы то ни было, мне нужен новый крем, но он везде закончился, буквально во всех магазинах, поэтому я хочу достойную замену. Единственная богиня, от чьей косметики у меня не бывает аллергии, – это Персефона.

– Царица Царства Мертвых? – у Психеи задрожали колени. – Ты... ты хочешь, чтобы я...

– Да. – Афродита наслаждалась ужасом в глазах Психеи. – Сгоняй в Царство Мертвых и спроси Персефону, не будет ли она против, если я одолжу немного ее крема для лица. Можешь положить его сюда.

Богиня щелкнула пальцами. В руках Психеи появилась коробочка из полированного розового дерева с золотым орнаментом.

– Последний шанс сдаться и отправиться в изгнание.

Психея изо всех сил постаралась не выдать своего отчаяния.

– Нет. Лучше умереть в попытке завоевать вновь любовь Эроса, чем сдаться. Я достану тебе твой крем.

– Убедись, что он без запаха, – добавила Афродита. – И гипоаллергенный. И поторопись. Сегодня вечером на Олимпе премьера новой пьесы. Я должна быть на высоте.

Тяжело ступая, Психея покинула дворец ради последнего задания.

Тем временем Эрос вновь подслушивал под дверью. Он был слишком слаб, чтобы что-то предпринять, но не мог поверить, каким чудовищным созданием была его мать. Он был обязан помочь Психее. После всего, через что она прошла, желая извиниться перед ним, вернуть его... Каким же он был глупцом. Не стоило и пытаться обмануть мать, надо было открыто потребовать разрешения жениться на смертной царевне. Психея не должна отправляться на это задание в одиночку.

Физических сил у него страшно не хватало, поэтому он отправил в мир смертных свой дух, надеясь каким-то образом связаться с возлюбленной.

Психея брела куда глаза глядят. Вход в Царство Мертвых по GPS не найдешь, знаете ли. Наконец на краю мрачной равнины она вышла к старой полуразрушенной сторожевой башне и решила подняться на нее. Может, ей удастся увидеть что-то полезное с высоты.

Стоя на краю парапета, она вспомнила скалу, откуда ее забрал Зефир. Казалось, это произошло так давно. (И ведь не поспоришь. Аж тридцать или сколько-то там страниц ранее.)

Психея подумала, как будет просто шагнуть в никуда и покончить со страданиями. И потом, тогда она точно попадет в Царство Мертвых, потому что иного пути, скорее всего, нет.

Но как же ее еще не рожденное дитя? И она не для того зашла так далеко, чтобы сдаться. К тому же последние полдюжины попыток суицида закончились не очень удачно.

– Не делай этого, – произнес голос у нее под ногами. – Прыжки с башен – это не решение проблем.

Психея отошла от края.

– Здравствуйте? Это... это башня говорит?

– Да, – ответила башня, резонируя, как гигантский камертон. – Я башня.

Что-то в этом голосе казалось знакомым...

Сердце Психеи затрепетало от счастья.

– Эрос? Это ты?

Секундная пауза.

– Нет, – ответил голос, на этот раз фальцетом. – Не знаю никакого Эроса. Просто слушай меня...

Башня прочистила горло (или что у башен вместо горла? Шахта лестницы?) и продолжила уже более низким тембром:

– Отправляйся к Спарте и найди гору Тенар. У подножия горы ты увидишь вулканическую расщелину, что дышит испарениями Царства Мертвых. Путь будет нелегким, но по ней ты сможешь спуститься во владения Аида.

– О... ладно.

– Прежде чем начать спуск, не забудь взять с собой два рисовых пирожка с медом и две драхмы. Рисовые пирожки можешь купить в Спарте, если я правильно помню, на выезде с сорок третьего есть универмаг.

– Э-эм, хорошо. И что мне с этим делать?

– Узнаешь, когда наступит час. Но запомни, не останавливайся, кто бы тебя о чем ни просил, пока не доберешься до Персефоны. Мама приготовит кучу засад.

– Мама?

Новая пауза. Голос опять перешел на фальцет:

– Очевидно, у башен не бывает мам. Я имел в виду твою свекровь, Афродиту.

Психея окончательно уверилась, что это бросивший ее муж пытается ей помочь. Как же она его любила! Даже его фальцет звучал мило. Но она решила ему подыграть.

– Я слушаю, о Великая Башня, что ни капельки не напоминает моего чудесного мужа.

– Ну так вот, – продолжил голос, – как я уже сказал, Афродита будет проверять твою решимость. Она знает, что ты добра и отзывчива, и попытается воспользоваться этим против тебя. Кто бы ни просил у тебя помощи в этом путешествии, не слушай! Не останавливайся!

– Спасибо, Башня. Будь ты моим мужем Эросом, кем ты, разумеется, не являешься, я бы сказала, как сильно тебя люблю и как мне жаль. И да, как твое плечо?

– Жутко болит, – ответила башня. – Но я думаю... – и фальцетом добавила: – У башен нет плеч, глупенькая.

И она замолчала. Психея поцеловала паранет и отправилась в супервеселое путешествие в Царство Мертвых.

Ничего, если я ненадолго отвлекусь?

Многие герои спускались в Царство Мертвых, о некоторых из них я вам еще расскажу. Большинство из них были парнями с мечами и раздутым самомнением. Да что там говорить, я сам путешествовал по Царству Мертвых с мечом и раздутым самомнением.

Но Психее удалось это сделать при помощи всего лишь двух рисовых пирожков и пары драхм. Причем она была на седьмом месяце беременности.

Респект.

Во время спуска по узкому выступу вулканической расщелины ей встретился хромой на осле.

(Не смотрите на меня. Именно так говорится в легендах: хромой на осле. Хромой, то есть калека, верхом на осле, в смысле животном, ничего сверх этого.)

В общем, Психея подумала, что странно видеть в вулканической расщелине инвалида на осле. А тот обратился к ней:

– Эй, девушка! Ты кажешься доброй и отзывчивой. Мой осел тут ступил... в смысле, уронил часть тростника из поклажи. Ты не могла бы помочь мне его собрать?

Полагаю, Афродита проверяла Психею, отвлечется ли она на помощь этому мужику или нет. Или пыталась рассмешить ее, чтобы она сорвалась в пропасть.

Но Психея никак не отреагировала. Она помнила наставления Эроса и молча продолжила спуск.

Хромой на осле растворился в воздухе, точно мираж, что стало для Психеи и всех родителей, читающих эту книгу, огромным облегчением, потому что мораль этой истории начала вызывать сомнения.

Но продолжим...

Психея достигла дна расщелины и побрела по темным голым землям Царства Мертвых, пока не вышла к реке Стикс – мрачной черной ленте, окутанной ледяным туманом.

На берегу лодочник Харон рассаживал на своем пароме души мертвых. Он покосился на Психею.

– Живая, а? Прости, дорогая. Твоя переправа будет стоить мне кучу бюрократических проволочек.

– У меня есть монета, – Психея показала ему одну из драхм.

– Хм. – Харону нравились сверкающие монеты. Мертвые обычно хранили монеты под языками, и к тому моменту, когда они оказывались у Харона, успевали заржаветь и были все в вонючей слюне. – Тогда ладно. Но мы оставим эту маленькую поездку между нами, идет?

Когда паром был на середине реки, Психея сглупила – она выглянула через край. Из глубин вод к поверхности всплыл какой-то старик и замахал руками.

– Помогите мне! – закричал он. – Я не умею плавать!

Доброе сердце Психеи призывало втянуть его на борт, но девушка сообразила, что это была еще одна проверка.

«Думай только о конечной цели, – сказала она себе. – Я нужна Эросу».

Старик издал несколько булькающих звуков и исчез в потоке, куда ему и была дорога. Будет знать, как плавать в Стиксе без надувных нарукавников.

На противоположном берегу реки в угрюмом полумраке проступили черные стены Эреба. Психея сошла с парома и заметила рядом старуху, ткущую гобелен.

Слишком странно, подумала Психея. Наверняка еще одно испытание.

– О, дорогуша, – обратилась к ней женщина, – подсоби немножко. Мои пальцы распухли. Глаза устали. Ты ведь можешь уделить пару минуточек старой леди?

У Психеи разрывалось сердце, голос этой женщины напомнил ей мамин, но она не остановилась.

– Ну и ладно! – крикнула ей вслед старуха. – И пожалуйста!

И исчезла в клубах дыма.

Наконец Психея добралась до железных ворот в Царство Мертвых, где души мертвых разделялись на потоки и запускались внутрь, как машины на платной автомагистрали. На середине прохода стоял домашний питомец Аида, трехголовый чудовищный ротвейлер по кличке Цербер.

Цербер зарычал и гавкнул на Психею, зная, что она человек и сойдет на ужин.

«Ужин», – подумала Психея. В детстве, еще во дворце родителей, она постоянно таскала со стола объедки для собак. Те ее за это обожали.

– Привет, малыш, – сказала она, стараясь не выдать страха. – Хочешь вкусняшку?

Все три головы Цербера склонились набок. Ему нравились вкусняшки.

Психея бросила ему рисовый пирожок. Пока три головы дрались за него, она проскользнула за ворота.

Какое-то время ушло на то, чтобы преодолеть поля асфodelей – со всеми этими болтающимися тенями мертвых, фуриями и зомби-патрульными, – но в конце концов Психея оказалась во дворце Аида. Персефону она нашла в саду, где та пила чай в беседке в тени голых серебряных деревьев.

Богиня весны была в «зимнем режиме». Ее одежды были светло-серых и зеленых оттенков – цвета заледеневшей травы. Глаза были мутно-золотыми, как декабрьское солнце. Вид беременной живой девушки, ввалившейся к ней в сад, ее, похоже, ни капельки не удивил.

– Присаживайся, – предложила Персефона. – Угощайся чаем и булочками.

Чай и булочки выглядели ужасно соблазнительно, учитывая, что Психея питалась у Афродиты одними корками хлеба, но она была наслышана о том, что будет, если съесть что-то в Царстве Мертвых.

– Спасибо, но нет, – сказала она. – Моя госпожа Персефона, у меня к тебе неожиданная просьба. Надеюсь, ты сможешь мне помочь. Афродита просила узнать, не могла бы ты одолжить ей немного своего крема для лица.

Целая клумба фиолетовых цветов за спиной Персефоны завяла.

– Прошу прощения?

Психея пересказала ей всю ситуацию с Эросом. Она очень не хотела плакать, но голос выдавал ее боль.

Персефона окинула смертную оценивающим взглядом. Ее история впечатлила царицу. У Персефоны были свои трудности, связанные с браком, не говоря уже о личных терках с Афродитой. Она догадалась, что богиня любви отправила Психею к ней в надежде, что Персефона разозлится и убьет ее.

Ну... Персефона не собиралась выполнять за Афродиту грязную работу. Но раз богиня любви желала одолжить немного ее магии, почему бы и нет?

– Открой коробку, – попросила Персефона.

Богиня подула на ладонь, и в ней засветилось нечто, похожее на ртуть. Персефона вылила это в коробку из розового дерева и закрыла крышку.

– Держи, – сказала она. – Но учти, дитя мое: ни в коем случае не открывай коробку. То, что внутри, предназначено исключительно для Афродиты. Ты меня поняла?

– Я поняла, – ответила Психея. – Спасибо, моя госпожа.

Настроение Психеи улучшилось. Наконец-то! Она вернулась тем же путем, каким пришла, с помощью второго рисового пирожка отвлекла Цербера и заплатила Харону второй драхмой за переправу назад. Поднявшись в мир смертных, она начала свое долгое путешествие назад ко дворцу Афродиты.

Но на середине пути ей пришла в голову неожиданная мысль.

– Что я делаю? – спросила сама себя Психея. – Если все получится, Эрос ко мне вернется, но захочет ли он меня такой? Я выгляжу ужасно! Я истощена, питалась одними корками хлеба, одежда давно превратилась в лохмотья, я не принимала ванну, наверное, месяцев семь, зато у меня в руках коробка, полная божественной красоты, и я собираюсь отдать ее Афродите, которой она на самом деле не нужна. Возьму немножко себе!

Глупо? Возможно. Но войдите в ее положение. Психея несколько месяцев подряд вела поиски. Она находилась в состоянии хронического недосыпания и недоедания и едва ли могла здраво рассуждать. Кроме того, чем ближе ты к цели, тем чаще совершаешь опрометчивые

поступки, потому что тебе уже не терпится с ними покончить. (Упс, я хотел сказать «с *этим* покончить».)

И потом – позволю себе предположение – Психее катастрофически не хватало уверенности в себе. Она обладала смелостью и многими другими прекрасными качествами, но она не верила в себя. Не верила, что кто-то, подобный Эросу, мог полюбить ее такой, какая она есть. Именно поэтому сестры так легко смогли ею манипулировать. И поэтому же она открыла коробку.

К несчастью, Персефона наполнила ее не кремом для лица, а чистым стигийским сном – экстрактом Царства Мертвых. Персефона таким образом хотела, скажем так, отблагодарить Афродиту за то, что та втянула ее в свои проблемы.

Не знаю, как бы эта штука подействовала на богиню – может, ввела ее в кому или парализовала мышцы лица, обеспечив Афродиту смешной рожицей на пару недель. Но когда Психея открыла коробку, стигийский сон заполнил ее легкие, и она тут же потеряла сознание.

Огонь ее жизни начал угасать.

Одновременно с этим во дворце Афродиты плечо Эроса заболело так, словно кто-то воткнул в него раскаленный нож. Он немедленно понял, что с его женой случилась беда. Несмотря на муку, он поднялся с постели и обнаружил, что часть его бывлой силы вернулась. Душа его постепенно исцелялась с того момента, как он, прикидываясь башней, поговорил фальшетом с Психеей. Расправив крылья, он вылетел в окно и поспешил к Психее.

Он обнял ее неподвижное тело.

– Нет, нет, нет. О любимая, что ты наделала?

Подняв ее на руки, он полетел напрямик на Олимп и ворвался в тронный зал Зевса, где остальные боги собрались смотреть новую пьесу Аполлона под названием «Двадцать потрясающих вещей обо мне». (Не ищите ее на Бродвее. Постановку закрыли сразу после премьеры.)

– Владыка Зевс! – закричал Эрос. – Я требую справедливости!

Большинство богов отлично знали, что вламываться к Зевсу и требовать что-то от него – не самая удачная идея. Тем более справедливости. Зевс ею не отличался.

Тем не менее, даже царь Олимпа слегка побаивался Эроса, поэтому подозвал его ближе.

– Зачем ты принес нам эту смертную? – спросил Зевс. – Она очень даже ничего, признаю, но слишком беременна и, похоже, умирает.

В этот момент на вечеринку явилась Афродита. Она величаво ступила в тронный зал, ожидая услышать комплименты ее новому платью, но внимание всех богов было сосредоточено на Эросе и Психее.

О боги, подумала Афродита. Поверить не могу. Даже грязная и без сознания, эта девчонка смеет перетягивать на себя все внимание!

– Что происходит? – спросила богиня. – Только я имею право мучить эту девчонку.

– Спокойно, Афродита. – Зевс кивнул Эросу: – Говори, бог любви. Что у тебя есть интересного нам рассказать?

Эрос поведал богам обо всем. Даже олимпийцы были впечатлены самоотверженностью Психеи. Да, она совершила несколько ошибок. Она увидела истинный лик Эроса. Открыла коробку, предназначенную для Афродиты. Но она также проявила чудеса верности и решительности. И самое главное, должное почтение богам.

– Это смешно! – возмутилась Афродита. – Она даже не выполнила последнее задание! В этой коробке не было гипоаллергенного крема для лица!

Эрос нахмурился.

– Она моя жена. Тебе придется с этим смириться, мама. Я люблю ее и не позволю ей умереть.

Зевс почесал бороду.

– Я бы хотел помочь, Эрос. Но она вдохнула слишком много стигийского сна. Сомневаюсь, что я смогу вернуть ее в прежнее состояние.

Вперед вышла Гера.

– Тогда сделай ее богиней. Психея заслужила это. Они с Эросом станут прекрасной парой.

– Да, – согласилась Деметра. – Сделай ее богиней. И я не жду никакой благодарности от Эроса, пусть даже это была целиком моя идея.

– И моя, – добавила Гера.

Афродита пыталась возражать, но она видела, что совет олимпийцев был против нее. С неохотой она дала согласие. Голосование на Олимпе не было анонимным.

Когда Психея открыла глаза, ее тело излучало новую силу. В венах тек божественный ихор. На ней были переливающиеся одежды из газа, а за спиной трепетали крылья, как у бабочки (что было немного странно, ну да ладно). Она обняла своего мужа, Эроса, который был абсолютно здоров и счастлив, как никогда.

– Любовь моя, – сказал он. – Моя жена навеки!

– Я все еще босс? – спросила она.

Эрос засмеялся.

– Ты определенно босс.

Они поцеловались и помирились, и так Психея стала богиней души, что прилетает к нам, когда мы больше всего нуждаемся в содействии и понимании, потому что она лучше любого другого бога знает о человеческих страданиях.

Она родила дочь, Гедону, которая стала богиней наслаждения. Признайте, после всего, через что прошла Психея, она заслужила немного наслаждения.

Вот и все. Конец.

Ого... только я пообещал вам смерти и страдания, и на тебе – два хеппи-энда подряд. Да что со мной?

Предлагаю поговорить об олицетворении главного страха всех автомобилистов – полу-боге, что врезался, поджег и уничтожил половину мира. Давайте навестим Фаэтона. Он вернет вам веру в себя!

Фаэтон проваливает экзамен по вождению

Этот парень был проклят с того самого момента, когда родители дали ему имя.

«Фаэтон» на древнегреческом означает «Сияние». Его отец был богом солнца, то есть какой-то смысл в этом есть. И все же называть ребенка в честь старого фильма с Джеком Николсоном, играющего маньяка с топором, – это все равно что раз и навсегда лишить его счастливой жизни.

Мама Фаэтона, Климена, была океанидой, жившей среди людей. У нее был дом на берегу реки Нил далеко в Египте. Должно быть, она была безумно красива, потому что Гелиос, титан солнца, влюбился в нее, а он, мягко говоря, никогда не был обделен женским вниманием.

Каждый день Гелиос проносился по небу на своей солнце-колеснице. После заката он переодевался и отправлялся по ночным клубам. Девчонки не могли устоять перед его титанической привлекательностью, его мощью, его известностью.

– Ты выглядишь знакомо, – говорили они. – Ты работаешь на телевидении?

– Я вожу солнце, – отвечал Гелиос. – Ну, знаете, такой большой огненный шар на небе?

– О мои боги! Вот где я тебя видела!

Повстречав Климену, Гелиос остепенился и стал однокеанидолюбом. (По крайней мере, на какое-то время. «Пока смерть не разлучит нас», – это не про богов.) У них родилось семь дочерей, и я не знаю, были ли они семерняшками или разного возраста, но, *блин*, это целая толпа девчонок. Никто не мог запомнить, как кого из них зовут, поэтому все звали их *гелиады*, то есть «дочери Гелиоса». У них были одинаковые куртки с блестками, как у команды гимнасток.

Наконец, у Гелиоса и Климены родился сын, Фаэтон. Ничего удивительного: так как он был самым младшим и единственным сыном, ему досталось все внимание.

К тому моменту, когда Фаэтон дорос до возраста первых детских воспоминаний, Гелиос уже отправился восвояси. Типа: *«Ну что ж, Климена, был рад наделать тебе восемь чудесных детишек. Развлекайся! А я отправлюсь дальше летать на своей колеснице»*.

Вот вам и бог.

Но Фаэтон обожал слушать мамины рассказы о Гелиосе. Климена постоянно говорила сыну, что он отличается от всех остальных мальчиков, потому что его отец – бессмертный.

– Смотри, Фаэтон! – сказала она как-то утром, когда ему было три года. – Вон твой отец, бог солнца!

– Бог овца?

– *Солнца*, мой дорогой. Он водит колесницу по небу! Нет, не смотри на него прямо. Обожжешь сетчатку.

Его сестры, наверное, завидовали брату, но любовь к нему заглушала все остальные чувства. Он выглядел таким очаровательным, прыгая по всему дому с воплями: «Я бог овца! Я бог овца!» Он постоянно занимался чем-то опасным, к примеру, бегал с ножами, совал монеты в розетки и катался на трехколесном велосипеде с запредельной скоростью.

Гелиадам пришлось быстро учиться присматривать за ним. Если уж на то пошло, горожане стали называть их «гелиолетами», потому что они вечно кружили вокруг Фаэтона. Этот мальчик рос с восемью сдувающими с него пылинки женщинами – понятно, что он был себе на уме.

Став старше, Фэтон не на шутку увлекся гонками на колесницах. Почему? Ну так у его отца была лучшая колесница во всей вселенной. К несчастью, мать категорически запрещала ему соревноваться. Любой спорт казался ей смертельно опасным занятием. Чтобы просто сходить посмотреть гонки, она заставляла его надевать шлем, ведь никогда не знаешь, вдруг кто-то потеряет управление и врежется в толпу.

К шестнадцати годам Фэтон успел сильно устать от чрезмерной опеки мамы и семи сестер-гелиолетов. Он мечтал о собственной колеснице.

Однажды после школы он отправился на ипподром. Местный царевич, чувак по имени Эпаф, хвастался всем своим свежим приобретением – «Марк V Зефир» с бронзовыми дисками, лоурайдерской гидравликой, секвенсорными лампами на лошадиных упряжках, короче, полная комплектация. Вокруг него собралась толпа. Парни все были такие: «Ого!», а девушки такие: «Ты такой крутой!»

– Это ерунда, – сказал Эпаф восхищенным зевакам. – Его величество, он же мой папа, купит мне все, что бы я ни захотел.

Может, среди ваших знакомых тоже есть царевичи или отдельные индивиды, *считающие* себя таковыми, тогда вы представляете, как они могут бесить.

Фэтон кипел от зависти и злости, он знал, что колесница Эпафа стоила больше, чем многие люди смогут заработать за всю жизнь. А уже через пару недель царевичу надоест его новая игрушка, и она останется пылиться в царском гараже.

Эпаф наслаждался вниманием, разрешая своим поклонницам по очереди подержаться за поводья, покормить лошадей морковкой и пощелкать кнопкой, выдвигающей и втягивающей лезвия на колесах.

– Это лучшая колесница во всем мире, – флегматично заметил он. – Ни у кого нет круче. Но какая разница?

Фэтон не выдержал. Он закричал, заглушив гомон толпы:

– Это мусор!

Стало тихо.

– Кто это сказал? – спросил царевич.

Все повернулись и указали на Фэтона: «Было приятно познакомиться, приятель».

Фэтон вышел вперед. Он держал голову высоко поднятой, хотя на ней все еще был шлем с отражателями.

– Ты называешь это лучшей колесницей в мире? Да по сравнению с колесницей моего отца это куча металлолома.

Эпаф приподнял бровь.

– Ты же Фэтон, да? Тот самый, с семью симпатичными няньками... в смысле, сестрами. Вы живете – э-эм – в скромном домике у реки.

В толпе захихикали. Фэтон был красив и довольно умен, но он не пользовался популярностью. Его считали высокомерным. Кроме того, он так и не смог завести друзей в школе, потому что мама не разрешала ему заниматься спортом – по крайней мере, без шлема, наколенников и налокотников, спасательного жилета, аптечки и бутылки с водой.

Фэтон не сводил глаз с царевича.

– Эпаф, твой папа, может, и король, но мой отец – Гелиос, бог солнца. Его колесница расплавит твою в вязкую массу.

Он говорил с такой уверенностью, что толпа попятилась. Фэтон действительно выглядел как полубог. Он был высоким и мускулистым, с выправкой прирожденного колесничего. У него были бронзовая кожа, черные кудри и благородные черты лица, так что, по всей видимости, он говорил правду... А эти глаза, пылающие внутренним огнем, или это просто отражался свет?

Эпаф лишь рассмеялся.

– Ты... сын Гелиоса. Скажи мне, где твой отец?

Фаэтон указал на небо:

- Наверху, разумеется. Ведет свою колесницу.
- И каждую ночь он возвращается в вашу хижину, да?
- Э-эм, нет...
- Как часто ты с ним видишься?
- Вообще-то я никогда его не видел, но...
- Откуда ты тогда знаешь, что он – твой отец?
- Мне сказала моя мать!

В толпе опять засмеялись.

- О, мои боги, – простонала одна из девчонок.
- Как тупо, – фыркнула другая.

Эпаф провел рукой по сделанной на заказ бронзовой отделке своей колесницы.

- Твоя мать... эта та леди, что заставляет тебя носить повсюду этот дурацкий шлем?

Лицо Фаэтона напряглось.

- Сотрясения очень опасны, – пробормотал он, но его уверенность уже пошатнулась.

– Тебе никогда не приходило в голову, – продолжил царевич, – что твоя мать лжет? Что она пытается таким образом тебя порадовать, ведь на самом деле ты жалкий неудачник.

- Это неправда!

- Если твой отец Гелиос, докажи это. Попроси его спуститься к нам.

Фаэтон поднял взгляд на солнце (не делайте этого без должной защиты глаз, как миллион раз твердила мама Фаэтона) и мысленно обратился к отцу, чтобы тот подал знак.

- Ну давай, – подначил его Эпаф. – Пусть солнце проедет зигзагом! Закружится кольцом!

Моя колесница разгоняется до шестидесяти миль в час, а ее горн играет «Кукарачу». Наверняка солнце может что-нибудь покруче!

Толпа заулюлюкала.

«Пожалуйста, пап, – молил про себя Фаэтон, – помоги мне».

На секунду ему почудилось, что солнце вспыхнуло ярче... но нет. Ничего.

Фаэтон бежал опозоренный.

– Вали-вали, сияющий мальчик! – кричал ему вслед царевич. – Беги к своей мамочке и сестрицам! Они уже приготовили тебе слюнявчик и кашку!

Вернувшись домой, Фаэтон с силой захлопнул за собой дверь спальни, врубил музыку на полную громкость и принялся швырять в стену учебники. (Ладно, это лишь мои предположения, но когда у меня плохое настроение, нет ничего лучше, чем превратить учебник «Веселые алгебраические уравнения» во фрисби.)

Семь сестер собрались за дверью, спрашивая, что случилось. Не получив ответа, они бросились к матери.

Наконец Климена уговорила Фаэтона выйти из комнаты. Он рассказал ей, что произошло между ним и царевичем Эпафом.

– О, милый, – сказала Климена, – почему же ты не взял с собой солнцезащитный крем, раз собрался на ипподром?

- Мам, речь не об этом!

- Прости, дорогой. Хочешь тост с сыром? Он всегда поднимает тебе настроение.

- Не хочу я никаких тостов с сыром! Я хочу доказательств, что мой отец – Гелиос!

Климена занервничала. Она знала, что когда-нибудь этот день наступит. Она делала все, чтобы уберечь сына, но у суровых запретов и налокотников есть предел. Рано или поздно неприятности найдут любого полубога. (Поверьте мне.)

Оставался последний шанс успокоить Фаэтона.

- Идем со мной, – сказала Климена.

Она вывела сына в город. Встав посреди улицы, Климена простерла руки навстречу полуденному солнцу, опускающемуся за пальмы.

– Услышьте меня, о боги! – закричала она. – Отец моего сына Фэтона – Гелиос, владыка солнца!

– Мам, – пробормотал Фэтон, – ты меня позоришь.

– Если я лгу, – продолжила Климена, – пусть Гелиос поджарит меня на этом самом месте!

Ничего не произошло. Было бы круто, если бы Гелиос хоть как-то дал о себе знать, но боги не любят, когда им указывают, что делать, даже если речь идет о поджаривании смертных.

Климена улыбнулась.

– Видишь, сын мой? Я все еще жива.

– Это ничего не доказывает, – пробормотал Фэтон. – Я хочу встретиться с папой. Хочу услышать правду из его уст!

Сердце Климены едва не разорвалось. Она поняла, что настал час позволить сыну идти своей дорогой, но вместо этого ей страшно хотелось закутать его в одеяло и навеки поместить в ящик с пенопластом.

– О, Фэтон... Прощу тебя, не надо. Путь до дворца Гелиоса опасен.

– Так ты знаешь, где он! Скажи мне!

Климена вздохнула.

– Если ты в этом абсолютно уверен, иди на восток к горизонту. Под конец третьей ночи ты выйдешь к дворцу солнца. Но путешествуй только ночью, не днем.

– Потому что днем папа ведет колесницу по небу. Дома он только по ночам.

– Да, – кивнула Климена. – И еще потому, что днем ужасно жарко. У тебя начнется обезвоживание.

– Мама!

– Будь осторожен, дорогой. Не совершай необдуманных поступков!

Фэтон слышал эти предупреждения уже миллион раз, поэтому они прошли мимо его прикрытых шлемом ушей.

– Спасибо, мама! – он поцеловал ее на прощание. Затем обнял по очереди сестер, которые разрыдались, глядя, как он отправляется в дорогу без прививок, таблеток для обеззараживания воды и даже без дополнительных колес на велосипед.

Как только они скрылись позади, Фэтон выбросил шлем и устремился к дворцу солнца, где, в чем он был уверен, его ждали известность и почет.

Известность? Да. Почет? Не особо.

Три ночи он шел на восток от реки Нил. Большинство людей вышло бы к Красному морю и целой россыпи курортов, но Фэтон, будучи сыном Гелиоса, умудрился найти волшебный дворец отца на горизонте, откуда Гелиос каждый день начинал свои поиски горячих цыпочек... я хотел сказать, свой величественный пролет по небу.

Фэтон добрался до места где-то в три утра. Даже в предрассветном мраке ему пришлось надеть солнцезащитные очки, настолько ослепителен был дворец. Парапеты сияли расплавленным золотом. Вокруг колонн из небесной бронзы перед входом пылал огонь. На серебряных воротах – по задумке самого Гелиоса – проигрывались, точно на экране кинотеатра, сцены из жизни смертных.

Когда Фэтон подошел ближе, двери сами собой открылись. За ними был тронный зал размером со стадион. Внутри толпились младшие боги, помощники Гелиоса, ожидавшие начала ежедневной службы. Три оры, богини времен года, попивали кофе и завтракали тако. Леди в переливающихся голубых и золотых одеждах – Гемера, богиня дневного света, – болтала с красивой крылатой девушкой в розовом платье. Фэтон предположил, что это Эос, розо-

перстая богиня зари, потому что он еще ни у кого не видел таких красных рук. Либо ее пальцы были вымазаны кровью, а в этом случае Фазтон не горел желанием с ней познакомиться.

Другой угол занимала целая группа ребят в одинаковых синих рабочих халатах, но с разным временем на спинах – 00.00, 1.00, 4.00, – и надписью «Чистотряд». Фазтон предположил, что это были боги часов.

Да, у каждого часа есть свой младший бог. Можете себе представить, каково быть богом двух часов дня? Все школьники тебя ненавидят и только и думают: «А можно уже будет полчетвертого? Я хочу домой!»

В центре зала на троне из изумрудов восседал титан Гелиос. (Нет, он вовсе не пытался произвести впечатление. У этого парня наверняка и туалет был из бриллиантов, ослеплявший любого, кто направлял на него лучик света.)

Фиолетовые одежды подчеркивали ровный загар. На черных волосах покоился золотой лавровый венок. Он тепло улыбался (ну, он был богом солнца, он все делал с теплотой), что смягчало жуткое впечатление от глаз, потому что его зрачки пылали, как контрольные лампы на промышленных печах.

– Фазтон! – воскликнул он. – Добро пожаловать, сын мой!

Сын мой. Эти два слова ошастливили Фазтона. Гордость окутала его горячей волной, а может, у него поднялась температура, потому что термометр тронного зала показывал под пятьдесят.

– Так это правда? – слабым голосом спросил он. – Я твой сын?

– Конечно, ты мой сын! – ответил Гелиос. – Подойди сюда. Дай мне на тебя посмотреть!

Фазтон приблизился к трону. Остальные боги столпились вокруг, шепча: «У него отцовский нос. Ничего фигура. Красивый юноша. Жаль, у него глаза не пылают».

У Фазтона закружилась голова. Он начал сомневаться, стоило ли сюда приходить, но затем вспомнил колкости Эпафа. Тупой царевич с его тупой лоурайдерской колесницей.

Злость вернула Фазтону смелость. Он был полубогом. Он был вправе здесь находиться. Выпрямившись, он посмотрел прямо в пылающие глаза отца.

Гелиос внимательно его оглядел.

– Ты вырос превосходным юношей. Ты достоин своего имени – *Сияние*. И этим я хочу сказать, что ты молод, силен и красив и никак не ассоциируешься с тем фильмом про маньяка с топором.

– Э-эм, спасибо...

– Итак, сын мой, – продолжил бог, – затем ты пришел повидаться со мной?

По щеке Фазтона скатилась капля пота. Ему очень хотелось ответить: «Потому что ты не приходил повидаться со мной, козел», – но он решил, что не стоит.

– Отец, я горжусь, что я твой сын, – сказал Фазтон. – Но дома никто мне не верит. Они смеются надо мной. Утверждают, что я лгу.

Гелиос нахмурился.

– Почему они тебе не верят? Разве они не заметили, что я не стал сжигать твою мать после ее официального заявления?

– Не думаю, что это кого-то убедило.

– Разве они не знают, что твое имя означает *Сияние*?

– Им плевать.

– Смертные! Ни в чем им не угодишь!

Гелиос задумался. Ему не нравилось, что над его ребенком потешались. Он хотел помочь Фазтону, но не знал как. Ему стоило остановиться на чем-то простом, вроде автографа или совместного снимка в «Инстаграме». Или прицепить к колеснице баннер «ФАЭТОН – МОЙ СЫН. СМИРИТЕСЬ».

Вместо этого Гелиос поступил опрометчиво.

– В качестве доказательства, что я твой отец, – сказал бог, – проси меня о чем хочешь. Все, что угодно, и я это сделаю.

Глаза Фаэтона вспыхнули (не буквально, как у его папы, но почти так же ярко).

– Правда? Ты серьезно?

Гелиос усмехнулся. *Ох уж эти дети...* Он предположил, что Фаэтон попросит волшебный меч или билеты на крутые автомобильные гонки.

– Клянусь рекой Стикс.

Опять-таки, нельзя давать подобных обещаний, но почему-то именно они срываются с языка богов и героев в самый худший момент.

Впрочем, я понимаю Гелиоса. Как и большинство божественных отцов (да и смертных тоже), он чувствовал себя виноватым, что не уделял должного внимания детям. Он пытался компенсировать это дорогим подарком – а в данном конкретном случае катастрофически глупым обещанием.

Фаэтон не колебался. С самого детства он хотел лишь одного. Он мечтал об этом всю жизнь.

– Я хочу завтра управлять солнечной колесницей! – выпалил он. – Целый день только я!

По всему тронному залу пронесся шорох, как от помех на записи: все боги вытянули в его сторону шеи и уставились на него с немым вопросом: «Что ты сказал?»

Божественная челюсть Гелиоса отвалилась. Божественному заду вдруг стало очень неуютно на изумрудном троне.

– Эй-ей-ей, полегче. – Он попытался засмеяться, но это больше походило на предсмертные хрипы. – Ребенок, давай не будем сходить с ума. Выбери что-нибудь другое. Seriously, это единственное, что я не могу тебе позволить.

– Ты обещал все, что угодно, – напомнил Фаэтон. – Примечаний не было.

– Примечание подразумевалось само собой! Подумай сам! Солнечная колесница? Это слишком опасно! Как насчет симпатичного набора колесниц из спичечных коробков?

– Пап, мне шестнадцать.

– Тогда настоящую колесницу! Ни у кого из детей такой не будет! «Mark V Zephyr» с бронзовыми дисками...

– Пап! – перебил Фаэтон. – Ты выполнишь клятву или нет?

Гелиос ощутил себя в ловушке – еще хуже, чем когда он проткнул колесо в четыре часа и торчал в ожидании техпомощи посреди полуденного неба.

– Фаэтон, ладно, я поклялся. Взять назад слово я не могу. Но я могу попытаться вложить в твою голову крупицу здравого смысла. Это плохая идея. Если бы существовал бог плохих идей, он бы написал краской на щите «позволить смертному вести солнечную колесницу», потому что это худшая из всех возможных плохих идей.

Но энтузиазм Фаэтона не так просто было остудить. Шестнадцать лет его мать и сестры твердили, что абсолютно все его желания были плохими идеями – слишком опасно, слишком рискованно. Больше он не собирался поддаваться уговорам.

– Разреши мне вести солнечную колесницу, – сказал он. – Я всегда этого хотел. Это моя мечта!

– Но, сын... – Гелиос оглянулся в поисках поддержки со стороны придворных, но те резко заинтересовались своим тако на завтрак. – Никому не выдержать жар колесницы, кроме меня. Даже Зевсу, а он самый могущественный бог из всех. Моя четверка лошадей практически неуправляема. И подумай о маршруте. Сначала ты взлетаешь вертикально вверх, как на самых жутких американских горках на свете, и оказываешься так высоко, что буквально задеваешь головой небеса; да еще все эти монстры-созвездия, что только и ждут, как бы на тебя напасть! Затем спуск, практически свободное падение, от которого кровь стынет в жилах... Я тебя совсем не убедил, да?

- Звучит потрясающе! – воскликнул Фазтон. – Когда я могу начать?
- Давай поведу я. А ты будешь сидеть рядом, махать рукой и бросать конфеты?
- Нет, пап.
- Давай я потренирую тебя пару месяцев, прежде чем ты возьмешься за поводья. Или пару столетий. Отправляться завтра – это безумие.
- Нет.
- Гелиос тяжело вздохнул.
- Ты разбиваешь мне сердце, парень. Хорошо. Идем.

Солнечный гараж совсем не походил на стандартные гаражи, заваленные коробками, сломанной мебелью и старыми рождественскими украшениями. На мраморном полу не было ни пятнышка. Стойла были недавно вычищены. Команда богов-часов в одинаковой рабочей форме с надписью «Чистотряд» сутилась, полируя отделку колесницы, пылесоса салон и запрягая огненных коней размером со слонов.

Одни только колеса колесницы были в два раза больше Фазтона. Золотые оси и обода с серебряными спицами и тормозными колодками от «Мазерати». На боках колесницы красовались шедевры Гефестовой металлической мозаики – «живые» виды Олимпа, отлитые из золота, серебра и бронзы. Салон из черной кожи дополняли навороченная стереосистема, держатели для напитков из двадцатичетырехкратного золота и освежитель воздуха в виде сосны на зеркале заднего вида.

Фазтону не терпелось залезть внутрь, но, когда он схватился за поручни, те оказались раскаленными, как газовые горелки.

– Стой. – Отец взял какую-то бутылку с чем-то, похожим на солнцезащитный крем. – Дай я нанесу это на тебя, чтобы ты не вспыхнул факелом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.